

В. В. КОЖИНОВ

**Россия. Век XX-й (1901–1939).
История страны от 1901 года
до «загадочного» 1937 года.
(Опыт беспристрастного исследования)**

Введение
*О возможной точке зрения
на Российскую революцию*

История России в нашем столетии являет собой прежде всего историю Революции. Я пишу это слово с заглавной буквы (так, между прочим, писал его полтора столетия назад в своих историко-софских стихотворениях и статьях Ф. И. Тютчев¹, хотя он имел в виду, понятно, европейскую — прежде всего французскую — Революцию, развертывавшуюся с 1780-х по 1870-е годы), ибо речь идет не о каких-либо, пусть значительнейших, но все же отдельных революционных событиях, свершившихся в 1905, 1917, 1929 и т. п. годах, а о многосторонней, но в конечном счете целостной исторической динамике, определившей путь России с самого начала нашего века и до сего дня.

Два года назад исполнилось 80 лет со времени «пика» Революции — Февральского и Октябрьского переворотов 1917 года; срок немалый, но едва ли есть основания утверждать, что историки выработали действительно объективное, беспристрастное понимание хода событий. И, конечно, мое сочинение — это именно и только *опыт* исследования, но, надеюсь, в той или иной степени пролагающий путь к пониманию нашей истории XX века.

Революция предстает как результат действий различных и даже, казалось бы, совершенно несовместимых социально-политических сил, ставивших перед собой свои, особенные цели. Общим для этих сил было отвержение российского социально-политического устройства, что выражалось в *едином* для них лозунге «Свобода!

Освобождение!», имевшем в виду ликвидацию исторически сложившихся «ограничений» в сфере экономики, права, политики, идеологии.

Характерно, что явившиеся на политическую сцену на рубеже XIX–XX вв. группы предшественников и большевистской, и вроде бы крайне далекой от нее конституционно-демократической (кадетской) партий с самого начала поставили этот лозунг во главу угла, назвав себя «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» (его возглавил будущий вождь большевиков В. И. Ленин) и «Союзом Освобождения» (его глава И. И. Петрункевич² впоследствии стал председателем ЦК кадетской партии).

Сегодня большевики и кадеты кажутся абсолютно чуждыми друг другу, но вспомним, что видный политический деятель того времени П. Б. Струве³ сначала тесно сотрудничал с В. И. Лениным и даже составлял Манифест Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП; в ее рамках в 1903 году сформировался большевизм), а в 1905 году стал одним из лидеров кадетской партии.

Или другой менее известный — факт: С. М. Киров (Костриков)⁴, вначале связанный с РСДРП, в 1909 году на долгое время оказался в русле кадетской партии, став даже ведущим сотрудником северо-кавказской кадетской газеты «Терек», и лишь накануне Октябрьского переворота «вернулся» в РСДРП(б), а впоследствии был одним из главных ее «вождей» (см. об этом, например: Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизм политической власти в 1930-е годы. М., 1996, с. 120–121).

Вообще необходимо осознать, что почти все политические течения начала XX века были, если выразиться попросту, «за Революцию», и переход Кирова из РСДРП к кадетам вовсе не означал отказа от революционных устремлений. Мне, вероятно, напомнят, что большевики обличали кадетов как «контрреволюционеров». Но ведь и кадеты, в свою очередь, клеймили «контрреволюционерами» самих большевиков. И эти взаимные обвинения вполне закономерны и понятны: дело здесь прежде всего в том, что каждая из партий претендовала на *главенство* в Революции и, далее, в долженствующем создаться после ее победы новом социально-политическом устройстве.

Очень показательным в этом смысле «противоречие», содержащееся в новейшем (3-м) издании «Большой советской энцикло-

педии». В статье о кадетях (ее авторы — историки А. Я. Аврех и Н. Ф. Славин) эта партия вместе с ее предшественником, «Союзом Освобождения», квалифицирована как «партия контрреволюционной либерально-монархической буржуазии» (т. 11, с. 389), однако в статье той же самой БСЭ «Союз Освобождения», составленной известным специалистом в этой области историографии, К. Ф. Шацилло, читаем: «Большевики во главе с В. И. Лениным выступали против попыток “Союза Освобождения” захватить руководство революционно-освободительным движением и одновременно боролись за высвобождение из-под влияния либералов радикального крыла “Союза Освобождения”...» (т. 24, с. 272).

Если бы кадеты действительно были контрреволюционной партией, едва ли вообще мог встать вопрос об их «руководстве революционно-освободительным движением», и едва ли в этой партии имелось бы «радикальное (то есть особо “левое”) крыло».

Тем не менее в сочинениях *советских* историков кадеты, как правило, предстают в качестве «контрреволюционной» силы, а «антисоветские» (эмигрантские, зарубежные и в настоящее время многие «бывшие советские» или «постсоветские») историки нередко усматривают «контрреволюционность», напротив, в большевиках, которые, захватив власть, не дали «освободить» Россию, к чему, мол, стремились кадеты (а также эсеры, меньшевики и т. д.).

Как уже сказано, взаимные обвинения из уст кадетских и большевистских деятелей были естественным порождением политического соперничества. Однако совершенно иной характер имеют подобные обвинения, когда они появляются в *позднейших* сочинениях *историков*: эти обвинения означают, что историк по сути дела отказывается от беспристрастного анализа, который вроде бы призвана осуществлять историография, и рассматривает ход Революции как бы глазами одной из участвовавших в ней партий.

Сегодня всем ясно, что советская историография, изучавшая Революцию всецело с «точки зрения» большевиков, никак не могла быть действительно объективной (достаточно сказать, что роль большевиков в событиях 1903–1916 годов крайне преувеличивалась; на самом деле они обрели первостепенное значение только летом 1917 года). Но нынешние сочинения историков, фактически избирающих «точкой отсчета» для взгляда на Революцию кадетов либо, скажем, эсеров, в сущности еще более далеки от объективного понимания хода истории, — *более* потому, что кадеты и эсеры

потерпели поражение, и смотреть на ход Революции их глазами едва ли плодотворное дело.

Необходимо четко осознать принципиальное различие между задачами, встающими перед нами в отношении *современности*, настоящего, сегодняшней ситуации в политике, экономике и т. д., и, с другой стороны, теми целями, которые встают при нашем обращении к более или менее отдаленному прошлому, к тому, что уже стало *историей*.

Когда мы имеем дело с современностью, у нас есть возможность (разумеется, именно и только *возможность*, далеко не всегда осуществляемая) оказать реальное *воздействие* на ход событий, конечный результат которых пока неизвестен и может оказаться различным. Поэтому, в частности, вполне понятны и уместны наша поддержка той или иной политической силы, представляющей нам наиболее «*позитивной*» и способной победить в развертывающейся сегодня борьбе, а также наше стремление воспринимать действительность с точки зрения этой силы. Однако в *прошлом* (что вполне понятно) уже *ничего нельзя изменить*, результат развертывавшейся в нем борьбы известен, и любая попытка ставить вопрос о том, что результат-де мог быть *иным*, в конечном счете *вредит* пониманию реального хода истории: мы неизбежно начинаем размышлять не столько о том, что совершилось, сколько о том, что, по нашему мнению, *могло* совершиться, и «*возможность*» в той или иной мере заслоняет от нас историческую *действительность*. Это, к сожалению, типично для нынешних сочинений о Революции.

Вместе с тем нельзя не видеть, что пока еще крайне трудно, пожалуй, даже вообще невозможно изучать ход Революции, полностью отрешившись от нашего отношения к действовавшим с начала XX века политическим силам. В более или менее отдаленном будущем, когда уместно будет сказать словами поэта, что «*страсти улеглись*», подлинная объективность станет, очевидно, достижимой целью. Но сегодня, в наши дни, когда на политической сцене появляются течения, открыто провозглашающие себя «*продолжателями*» дела тех или иных возникших в начале века партий (от радикально социалистических до принципиально «*капиталистических*»), требования смотреть на Революцию с совершенно «*нейтральной*» точки зрения являются заведомо утопичными.

<...>

Что такое Революция?

Выдвижение столь «глобального» вопроса может показаться чем-то странным: ведь речь шла об одном определенном явлении эпохи Революции — «черносотенстве» — и вдруг ставится задача осмыслить сущность этой эпохи вообще, в целом. Но, — о чем уже сказано, — взгляд на Революцию, при котором в качестве своего рода *точки отсчета* избирается «черносотенство» — непримиримый враг Революции, — имеет немалые и, быть может, даже особенные, исключительные *преимущества*.

Выше говорилось о том, что именно и только «черносотенцы» ясно предвидели чудовищные результаты революционных потрясений. Не менее существенно и их понимание действительного, реального состояния России в конце XIX — начале XX века. Либералы и — тем более — революционеры на все лады твердили о безнадежной застойности или даже безысходном умирании страны, — что они объясняли, понятно, ее «никуда не годным» экономическим, социальным и — прежде всего — политическим строем. Без самого радикального изменения этого строя Россия, мол, не только не будет развиваться, но и в ближайшее время перестанет существовать. Именно такое «понимание» чаще всего и толкало людей к революционной деятельности. Один из виднейших «черносотенных» идеологов, Л. А. Тихомиров⁵ (в 1992 году вышло новое издание его содержательного трактата «Монархическая государственность»), который в молодые годы был не просто революционером, но одним из вожakov народо-вольцев, с точным знанием дела писал в своей исповедальной книге «Почему я перестал быть революционером?» (М., 1895), что на путь кровавого террора его бывших сподвижников вело внедренное в них убеждение, согласно которому в России-де «ничего нельзя делать» (с. 45), и вообще «Россия находится на краю гибели, и погибнет чуть не завтра, если не будет спасена чрезвычайными революционными мерами» (с. 56).

Это убеждение — пусть и не всегда в столь заостренной форме — владело сознанием большинства идеологов в эпоху Революции. А после 1917 года пропаганда вдалбливала в души безоговорочный тезис о том, что-де только революционный переворот спас Россию от неотвратимой и близкой смерти. Между тем реальное бытие

России конца XIX — начала XX века совершенно не соответствовало сему диагнозу. В 1913 году В. В. Розанов⁶ опубликовал свои воспоминания о знаменитом «черносотенце» А. С. Суворине (1834–1911)⁷, где передал, в частности, такое его размышление.

«Все мы жалуемся каждый день, что ничего нам не удастся, во всем мы отстали». На деле же «за мою жизнь... Россия до такой степени *страшно выросла*... во всем, что едва веришь. Россия — страшно растет, а мы только этого не замечаем...»*. Розанов добавил, что именно этим пониманием порождены были замечательные суворинские ежегодные издания «Вся Россия», «Весь Петербург», «Вся Москва» и т. п., где «указана, исчислена и переименована вся торговая, промышленная, деятельная, вся хозяйственная Россия» (с. 19).

Любопытно, что уже после 1917 года прекрасный поэт Михаил Кузмин⁸ (в свое время — член Союза русского народа) воспел эти суворинские издания в своем свободном стихе, говоря о наслаждении просто «перечислить»

Все губернии, города
Села и веси,
Какими сохранила их
Русская память.
Костромская, Ярославская,
Нижегородская, Казанская,
Владимирская, Московская,
Смоленская, Псковская...

И тогда
(Неожиданно и смело)
Преподнести
Страницы из «Всего Петербурга»
Хотя бы за 1913 год —
Торговые дома
Оптовые, особенно:
Кожевенные, шорные,
Рыбные, колбасные,
Мануфактуры, писчебумажные,
Кондитерские, хлебопекарни —
Какое-то библейское изобилие...

* Розанов В. В. Из припоминаний и мыслей об А. С. Суворине. М., 1992, с. 18.

Пароходства... Волга.
Подумайте, Волга!
Где не только (поверьте)
И есть,
Что Стенькин курган...

Возьмем всего только двадцатилетие, с 1893 по 1913 год; без особо сложных разысканий можно убедиться, что Россия за этот краткий период выросла поистине «страшно» (по суворинскому слову). Население увеличилось почти на 50 миллионов человек (с 122 до 171 млн) — то есть на 40 процентов; среднегодовой урожай зерновых — с 39 млн тонн до 72 млн тонн, следовательно почти вдвое (на 85 процентов), добыча угля — в 5 раз (от 7,2 млн тонн до 35,4 млн тонн), выплавка железа и стали — более чем в 4 раза (от 0,9 млн тонн до 4,3 млн тонн) и т. д. и т. п. Правда, по основным показателям промышленного производства Россия была все же позади наиболее развитых в этом отношении стран, — о чем не переставали и не перестают до сих пор кричать ее хулители. Но от кого Россия «отставала»? Всего только от *трех* специфических стран «протестантского капитализма», где непрерывный промышленный рост являл собой как бы важнейшую добродетель и цель существования, — Великобритании, Германии и США. «Отставание» от еще одной промышленно развитой страны, Франции, в 1913 году было, в сущности, небольшим (добыча угля в России и Франции — 35,4 млн тонн и 43,8 млн тонн, выплавка железа и стали — 4,3 млн тонн и 6,9 млн тонн и т. п.). А других промышленных «соперников» у России в тогдашнем мире просто не имелось... Могут возразить, что Россия намного превосходила Францию по количеству населения и, значит, резко отставала от нее с точки зрения «душевого» производства; однако в 1913 году Французская (как и Британская, и Германская) империя владела огромными территориями на других континентах и потому была сопоставима с Российской и в этом плане (общее население Французской империи в 1913-м — более 100 млн).

Французский экономист Эдмон Тэри по заданию своего правительства приехал в 1913 году в Россию, тщательно изучил состояние ее хозяйства и издал свой отчет-обзор под названием «Экономическое преобразование России». В 1986 году этот отчет был переиздан в Париже, и в предисловии к нему совершенно

справедливо сказано: «Тот, кто внимательно прочтет этот беспристрастный анализ, поймет, что Россия перед революцией экономически была здоровой, богатой страной, стремительно идущей вперед»*.

Впрочем, дело не только в этом. Едва ли уместно (хотя многие поступают именно так) судить о состоянии и развитии страны в начале XX века исключительно — или даже хотя бы главным образом — на основе ее собственно экономических, хозяйственных показателей. Ведь тогда придется прийти к выводу, что в 1913 году такие, скажем, страны, как Италия и тем более Испания, находились по сравнению с Великобританией и Германией — да и даже с самой Россией! — в глубочайшем упадке, в состоянии полнейшего ничтожества.

Нельзя, например, отрицать, что очень существенным показателем состояния страны являлось тогда положение в ее книгоиздательском деле. Ведь книги — в их многообразии — это своего рода «инобытие» всего бытия страны, запечатлевающее так или иначе любые его стороны и грани; книжное богатство, без сомнения, порождается богатством самой жизни.

В 1893 году в России было издано 7783 различных книги (общим тиражом 27,2 млн экз.), а в 1913-м — уже 34006 (тиражом 133 млн экз.), то есть в 4,5 раза больше и по названиям и по тиражу (кстати сказать, предшествующий, 1912 год был еще более «урожайным» — 34630 книг). Дабы правильно оценить эту информацию, следует знать, что в 1913 году в России вышло книг почти столько же, сколько в том же году в Англии (12379), США (12230) и Франции (10758), вместе взятых (35367)! С Россией в этом отношении соперничала одна только Германия (35078 книг в 1913 году), но, имея самую развитую полиграфическую базу, немецкие издатели исполняли многочисленные заказы других стран и, в частности, самой России, хотя книги эти (более 10000) учитывались все же в качестве германской продукции**.

Можно бы привести еще множество самых различных фактов, подтверждающих мощный и стремительный рост, всестороннее развитие России в конце XIX — начале XX века, — от экономики и быта до искусства и философии, но здесь, конечно, для этого нет

* Тэри Э. Россия в 1914 г. Экономический обзор. Paris, 1986, с. 1.

** Назаров А. И. Книга в советском обществе. М., 1964, с. 28.

места. К тому же (что уже отмечено) одно только книжное богатство так или иначе свидетельствует о богатстве породившего его многообразного бытия страны. Сам тот факт, что Россия в 1913 году была первой книжной державой мира, невозможно переоценить.

Тем не менее тогдашние либералы и прогрессисты, стараясь не замечать очевидности, на все голоса кричали о том, что де Россия, в сравнении с Западом, пустыня и царство тьмы. Правда, после 1917 года некоторые из них как бы опомнились. Среди них — и известный, по-своему блестящий публицист и историк культуры Г. П. Федотов (1886–1951), который в 1904 году вступил в РСДРП и достаточно результативно действовал в ней, но позднее начал «праветь». А в послереволюционном сочинении открыто «каялся»:

«Мы не хотели поклониться России — царице, венчанной царской короной... Вместе с Владимиром Печериным проклинали мы Россию, с Марксом ненавидели ее... Еще недавно мы верили (не обладая способностью понять и даже просто увидеть. — *В. К.*), что Россия страшно бедна культурой, какое-то дикое, девственное поле. Нужно было, чтобы Толстой и Достоевский сделались учителями человечества, чтобы пилигримы потянулись с Запада изучать русскую красоту, быт, древность, музыку, и лишь тогда мы огляделись вокруг нас. И что же? Россия — не нищая, а насыщенная тысячелетней культурой страна предстала взорам... не обещание, а зрелый плод. Попробуйте ее отмыслить и насколько беднее станет без нее культурное человечество... Мир может быть не в состоянии жить без России. Ее спасение есть дело всемирной культуры».

Далее Федотов высказал даже и понимание того, что русская культура выросла не на пустом месте: «Плоть России есть та хозяйственно-политическая ткань, вне которой нет бытия народного, нет и русской культуры. Плоть России есть государство русское... Мы помогли разбить его своею ненавистью или равнодушием. Тяжко будет искупление этой вины»*.

Казалось бы, следует только порадоваться этому прозрению и этому покаянию Федотова. Но, во-первых, очень уж чувствуется, что он прямо-таки наслаждался своей покаянной медитацией — смотрите, мол, какой я хороший... Помог разбить русское государство, а теперь, поняв, наконец, что оно значило, готов искупать

* «Вопросы философии», 1990, № 8, с. 133–136.

свою вину. Впрочем, даже и в определении этой вины присутствует явная ложь: активный член РСДРП, оказывается, всего лишь «помогал» разбить русское государство «своею ненавистью или равнодушием» — то есть некими своими внутренними состояниями. Однако это еще далеко не самое главное. Федотов заявляет здесь же: «Мы знаем, мы помним. Она была. Великая Россия. И она будет. Но народ, в ужасных и непонятных ему страданиях, потерял память о России — о самом себе. Сейчас она живет в нас... В нас должно совершиться рождение великой России... Мы требовали от России самоотречения... И Россия мертва. Искушая грех... мы должны отбросить брезгливость к телу, к материально государственному процессу. Мы будем заново строить это тело» (с. 136).

Итак, вырисовывается по меньшей мере удивительная картина. Эти самые «мы» только после «умерщвления» с их «помощью» России и подсказок с Запада «огляделись вокруг», и их «взорам» впервые предстала великая страна. Но далее выясняется, что лишь эти «мы» и обладают-де таким знанием, и именно и только эти «мы» способны воскресить Россию...

<...>

* * *

Экскурс в «федотовскую» идеологию (имевшую и имеющую немало горячих почитателей) выявил, надо думать, некоторые существенные черты «революционного сознания». Возвратимся теперь к проблеме мощного и стремительного развития России в конце XIX — начале XX века. Либеральная, революционная и, позднее, советская пропаганда вбивала в головы людей представление, согласно которому Россия переживала тогда застой и чуть ли не упадок, из которого ее, мол, и вырвала Революция.

И мало кто задумывался над тем, что великие революции совершаются не от слабости, а от *силы*, не от недостаточности, а от *избытка*.

Английская революция 1640-х годов разразилась вскоре после того, как страна стала «владычицей морей», закрепились в мире от Индии до Америки; этой революции непосредственно предшествовало славнейшее время Шекспира (как в России — время Достоевского и Толстого). Франция к концу XVIII века была общепризнанным центром всей европейской цивилизации, а победо-

носное шествие наполеоновской армии ясно свидетельствовало о тогдашней исключительной мощи страны. И в том, и в другом случае перед нами, в сущности, *пик, апогей* истории этих стран — и именно он породил революции...

Было бы абсурдно, если бы в России дело обстояло противоположным образом. И если вспомнить хотя бы несколько самых различных, но, без сомнения, подлинно «изобильных» воплощений русского бытия 1890–1910-х годов — таких как Транссибирская магистраль, свободное хождение золотых монет, столыпинское освоение целины на востоке, всемирный триумф Художественного театра, титаническая деятельность Менделеева⁹, тысячи превосходных зданий в пышном стиле русского модерна, празднование Трехсотлетия Дома Романовых, наивысший расцвет русской живописи в творчестве Нестерова, Врубеля, Кустодиева¹⁰ и других — станет ясно, что говорить о каком-либо «упадке» просто нелепо.

В трактате французского политика и историсофа Алексиса Токвиля¹¹ «Старый порядок и Революция» — одном из наиболее пронизательных размышлений на эту тему — показано, в частности, следующее: «Порядок вещей, уничтожаемый Революцией, почти всегда бывает лучше того, который непосредственно ему предшествовал». Франция 1780-х годов ни в коей мере не находилась — продолжает свою мысль Токвиль — «в упадке; скорее можно было сказать в это время, что нет границ ее преуспеянию... Лет за двадцать пред тем на будущее не возлагали никаких надежд; теперь от будущего ждут всего. Предвкушение этого неслыханного блаженства, ожидаемого в близком будущем, делало людей равнодушными к тем благам, которыми они уже обладали, и увлекало их к неизведанному»*.

(Здесь нельзя не напомнить мифа о «прогессе», о котором шла речь в первой главе моего сочинения и который выступал в качестве своего рода подмены религии.)

Преуспевающие российские предприниматели и купцы полагали, что кардинальное изменение социально-политического строя приведет их к совсем уже безграничным достижениям, и бросали миллионы антиправительственным партиям (включая большевиков!). Интеллигенция тем более была убеждена в своем и всеобщем процветании при грядущем новом строе; нынешнее же

* Токвиль. Старый порядок и Революция. М., 1905, с. 196–197.

положение образованного сословия в России представлялось ей ничтожным и ужасающим, и она, скажем, не обращала никакого внимания на тот факт, что в России к 1914 году было 127 тысяч студентов — больше, чем в тогдашних Германии (79,6 тыс.) и Франции (42 тыс.) вместе взятых* (то есть дело обстояло примерно так же, как и в книгоиздании).

Стоит еще сообщить, что расхожее утверждение о «неграмотной» России, которая после 1917 года вдруг стала быстро превращаться в грамотную, — это заведомая дезинформация. Действительно большая доля неграмотных приходилась в 1917 году, во-первых, на старшие возрасты и, во-вторых, на женщин, которые тогда были всецело погружены в семейный быт, где грамотность не была чем-то существенно нужным. Что же касается, например, мужчин, вступавших в жизнь в 1890–1900-х годах, — то есть мужчин, которым к 1917 году было от 20 до 30 лет, — то даже в российской деревне 70 процентов из них были грамотными, а в городах грамотные составляли в этом возрасте 87,4 процента**. Это означало, что в молодой части рабочего класса неграмотных было всего лишь немногим более 10 процентов.

О рабочих следует сказать особо, ибо многие убеждены, что революционные акции в России совершала некая полунищая пролетарская «голытьба». Как раз напротив, решающую роль играли здесь квалифицированные и вполне прилично оплачиваемые люди, — те, кого называют «рабочей аристократией».

Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на любую фотографию 1900–1910-х годов, запечатлевшую революционных рабочих: по их одежде, прическе, ухоженности усов и бороды, осанке и выражению лиц их легко можно принять за представителей привилегированных сословий. Это были люди, которые, подобно предпринимателям и интеллигенции, стремились не просто к более обеспеченной жизни (она у них вовсе и не была скудной), но хотели получить свою долю власти, высоко поднять свое общественное положение. Вот хотя бы одно весомое свидетельство. Н. С. Хрущев¹² вспоминал впоследствии: «Когда до революции я работал слесарем и зарабатывал свои 40–50 рублей в месяц, то был материально лучше обеспечен, чем когда работал секре-

* См.: Миронов Б. Н. История в цифрах. Л., 1992, с. 136.

** Там же, с. 82, 83.

тарем Московского областного и городского комитетов партии» * (то есть в 1935–1937 гг.; партаппаратные «привилегии» утвердились с 1938 г.). Для правильного понимания хрущевских слов следует знать, что даже в Петербурге (в провинции цены были еще ниже) килограмм хлеба стоил тогда 5 коп., мяса — 30 коп. (стоит сказать и о «деликатесных» продуктах: 100 граммов шоколада — 15 коп., осетрины — 8 коп.); метр сукна — 3 руб., а добротная кожаная обувь — 7 руб. и т. д. Кроме того, к 1917 году Хрущеву было лишь 23 года, и он, конечно, не являлся по-настоящему квалифицированным рабочим, который мог получать в 1910-х годах и по 100 руб. в месяц.

Короче говоря, рабочий класс России к 1917 году вовсе не был тем скопищем полуголодных и полуодетых людей, каковым его пытались представить советские историки. Правда, накануне Февраля в Петербурге уже началась разруха (в частности, впервые за двухвековую историю города в нем образовались очереди за хлебом — их тогда называли «хвосты», а слово «очередь» в данном значении появилось лишь в советское время), но это было только последним толчком, поводом. Революция самым интенсивным образом назревала и готовилась по меньшей мере с начала 1890-х годов. Уже в 1901 году Горький изобразил впечатляющую фигуру рабочего Нила (пьеса «Мещане»), — мощного, независимого, достаточно много зарабатывающего и по-своему образованного человека, безоговорочно претендующего на роль хозяина России.

Итак, в России были три основных силы — предприниматели, интеллигенты и наиболее развитой слой рабочих, — которые активнейше стремились сокрушить существующий в стране порядок — и стремились вовсе не из-за скудости своего бытия, но скорее напротив — от «избыточности»; их возможности, их энергия и воля, как им представлялось, не уместались в рамках этого порядка...

Естественно встает вопрос о преобладающей части населения России — крестьянстве. Казалось бы, именно оно должно было решать судьбу страны и, разумеется, судьбу Революции. Однако десятки миллионов крестьян, рассеянные на громадном пространстве России, в разных частях которой сложились существенно различные условия, не представляли собой сколько-нибудь единой,

* «Вопросы истории», 1992, № 2–3, с. 82.

способной к решающему действию силы. Так, в 1905–1906 годах русское крестьянство приняло весьма активное участие в выборах в 1-ю Государственную думу; достаточно сказать, что почти половина ее депутатов (231 человек) были крестьянами. Но, как показано в обстоятельном исследовании историка С. М. Сидельникова «Образование и деятельность Первой государственной думы» (М., 1962), политические «пристрастия» крестьянства тех или иных губерний, уездов и даже волостей резко отличались друг от друга; это ясно выразилось в крестьянском отборе «уполномоченных» (которые, в свою очередь, избирали депутатов Думы): «В одних волостях избирали лишь крестьян... демократически настроенных, в других — ...по взглядам своим преимущественно правых и черносотенцев» (с. 138).

Вообще-то сотни тысяч крестьян в то время всецело поддерживали «черносотенцев», но это не могло привести к весомым результатам, ибо дело Революции решалось в «столицах», в «центре», который — поскольку Россия издавна была принципиально «централизованной» в политическом отношении страной — мог более или менее легко навязать свое решение провинциям.

И еще один пример. В 1917 году крестьянство в своем большинстве проголосовало на выборах в Учредительное собрание за эсеровских кандидатов, выступавших с программой национализации земли (а это целиком соответствовало заветной крестьянской мысли, согласно которой земля — Божья), и в результате эсеры получили в Собрании преобладающее большинство. Но когда утром 6 января 1918 года большевики «разогнали» негодное им Собрание, крестьянство в сущности ничего не сделало для защиты своих избранников (да и как оно могло это сделать — организовать всеобщий крестьянский поход на Петроград?).

Наконец, нельзя не остановиться на одной связанной с крестьянством проблеме — вернее, целом узле проблем, которые чаще всего толкуются тенденциозно или просто ошибочно. Крестьянство, количественно составлявшее основу населения России, не могло быть самостоятельной, активной и весомой политической (и, в частности, революционной) силой в силу бедности, весьма низкого жизненного уровня его преобладающего большинства. Совершенно ложно представление, согласно которому революции устраивают нищие и голодные: они борются за *выживание*, у них нет ни сил, ни средств, ни времени готовить революции. Правда,

они способны на отчаянные бунты, которые в условиях уже подготовленной другими силами революции могут сыграть огромную разрушительную роль; но именно и только в уже созданной критической ситуации (так, множество крестьянских бунтов происходило в России и в XIX веке, но они не вели ни к каким существенным последствиям).

Ныне многие авторы склонны всячески идеализировать положение крестьянства до 1917 — или, точнее, 1914 года. Ссылаются, в частности, на то, что Россия тогда «кормила Европу». Однако Европу кормили вовсе не крестьяне, а крупные и технически оснащенные хозяйства сумевших приспособиться к новым условиям помещиков или разбогатевших выходцев из крестьян, использующие массу наемных работников. Когда же после 1917 года эти хозяйства были уничтожены, оказалось, что хлеба на продажу (и не только для внешнего, но и для внутреннего рынка), *товарного* хлеба в России весьма немного (вопрос этот был исследован виднейшим экономистом В. С. Немчиновым¹³, и его выводы послужили главным и решающим доводом в пользу немедленного создания колхозов и совхозов). Крестьяне же — и до 1917 года и после него — сами потребляли основное количество выращиваемого ими хлеба, — притом, многим из них не хватало этого хлеба до нового урожая...

Все это, казалось бы, противоречит сказанному выше о бурном росте России. Какой же рост, если составляющие преобладающее большинство населения крестьяне в массе своей бедны? Но, во-первых, и в жизни крестьянства в начале века были несомненные сдвиги. А с другой стороны, самое мощное развитие не могло за краткий срок преобразовать бытие огромного и разбросанного по стране сословия. Средние урожаи хлебов пока еще оставались весьма низкими — от 6,7 центнера с гектара пшеницы до 12,1 — кукурузы...

И крестьян легко было поднять на бунты, «подкреплявшие» революционные акции в столицах. А кроме того, для главных революционных сил — предпринимателей, интеллигенции и квалифицированных рабочих — бедность большинства крестьян (а также определенной массы «деклассированных элементов» — «босяков», воспетых Горьким и другими) являлась необходимым и безотказно действующим аргументом в их борьбе против строя. Есть все основания полагать, что в конечном счете всестороннее развитие

России подняло бы уровень жизни крестьян. Но поборники «прогресса» были уверены, что, изменив политический строй, они могут без всяких помех повести всех к полному благоденствию...

* * *

Возвратимся еще раз к трем основным силам, которые «делали» Революцию. Их несло на гребне той могучей волны стремительного роста, который переживала Россия. Выше цитировались справедливые слова из предисловия к изданному в 1914 году отчету французского экономиста Э. Тэри, — слова о «здоровой, богатой стране, стремительно идущей вперед». Но вслед за этой фразой сказано:

«Революция — не естественный итог предшествующего развития, а несчастье, постигшее Россию». И вот это уже весьма неточное суждение. Нет, именно невиданно бурный и чрезвычайно — в сущности чрезмерно — быстрый рост «естественно» вылился, претворился в Революцию.

Об этом еще в 1912 году с острейшей тревогой говорил на заседании Русского собрания известный в то время писатель (Лев Толстой сказал в 1909 году, что у него «прекрасный язык, народный») и «черносотенный» деятель И. А. Родионов: «...русская душа с тысячами смутных хотений, с тысячами неосознанных возможностей, подобно безбрежному океану, разливается — через край... Великий народ... создавший мировую державу, не мог не быть обладателем такой воли, которая двигает горами... И народ доспел теперь до революции...

Я не верю в Россию... не верю в ее будущность, если она немедленно не свернет на другую дорогу с того расточительного и гибельного пути жизни, по которому она с некоторого времени (с 1890-х гг. — В. К.) пошла. Потенциальная сила народа тогда только внушает веру в себя, когда она расходуется в меру... У нас же этот Божеский закон нарушен»**.

Напомню еще раз переданные Розановым слова Суворина о том, что на его глазах «Россия *страшно* выросла во всем». Ведь не случайно же — хотя и, наверное, неосознанно — сорвался с его губ такой вроде бы неуместный эпитет!

* Родионов И. А. Два доклада. СПб., 1912, с. 79, 77, 71.

Часто говорят, что слабость России накануне 1917 года доказывается ее «поражением» в тогдашней мировой войне. Но это, в сущности, беспочвенная клевета. За три года войны немцы не смогли занять ни одного клочка собственно русской земли (они захватили только часть входившей в состав империи территории Польши, а русские войска в то же время заняли не меньшую часть земель, принадлежавших Австро-Венгерской империи). Достаточно сравнить 1914 год с 1941-м, когда немцы, в сущности, всего за три месяца (если не считать их собственных «остановок» для подтягивания тылов) дошли аж до Москвы, чтобы понять: ни о каком «поражении» в 1914 — начале 1917 года говорить не приходится.

Очень осведомленный и весьма умный Уинстон Черчилль¹⁴, наслушавшись речей о «поражении России», написал в 1927 году: «Согласно поверхностной моде нашего времени, царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен бы исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которые она оказалась способна... Держа победу уже в руках, она пала на землю заживо... пожираемая червями»*.

Впрочем, Черчилль не усматривает причину гибели Российской империи именно в том, что она, как он утверждает, развила неисчерпаемые силы, развила чрезмерно. Грозную опасность, таящуюся в «страшном» росте России, видели, пожалуй, одни только «черносотенцы». Прогрессистским и либеральным идеологам всех мастей, напротив, мнилось, что Россия развивается-де недостаточно быстро и широко (или даже вообще будто бы стоит на месте), они постоянно стремились сокрушить преграды, мешающие «движению вперед». И это была поистине безнадежная слепота людей, мчащихся в могучем потоке и не замечающих этого. Большинство из них в какой-то момент ужаснулось, но было уже поздно... И тогда они — опять-таки большинство — начали доказывать, что их прекрасная устремленность была чем-то или кем-то искажена, испорчена, превращена в свою противоположность.

* Цит. по кн.: *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II. Мюнхен, 1949, т. II, с. 256, 257.

Это был заведомо неверный диагноз; все, что делалось в России с 1890-х годов, и не могло завершиться иначе! Действительно мудрые люди — хотя их и теперь со злобой называют «черносотенцами» — ясно предвидели этот итог задолго до 1917 года. Выше приводилось честное признание одного из кадетских лидеров В. А. Маклакова¹⁵, согласно которому «правые» в своих предвидениях оказались всецело правыми. И сам факт, что все происшедшее было *совершенно точно* предвидено (хотя бы в цитированной записке П. Н. Дурново), свидетельствует о неотвратимой *закономерности* происшедшего, — хотя либералы и тем более революционеры вплоть до 1917 года с полным пренебрежением отвергали «черносотенные» пророчества.

А после 1917 года многие либералы и революционеры взялись «исправлять» якобы кем-то искаженную историю. Ради этого была начата тяжелейшая гражданская война.

В течение многих лет официальная пропаганда стремилась доказать, что Белая армия вела войну для восстановления «самодержавия, православия, народности». И в конце концов это было принято на веру чуть ли не всеми. Не буду скрывать, что и сам я в свое время — в 1960-х годах — полагал, что Белая армия имела целью воскрешение той исторической России, перед которой преклонялись Гоголь и Достоевский, Леонтьев и Розанов. Помню, как, пролетая четверть с лишним века назад в самолете над Екатеринодаром (я не называл его Краснодаром), несколько человек торжественно встали, чтобы почтить память павшего здесь «Лавра Георгиевича» (Корнилова)¹⁶, как мы благоговейно взирали на возлюбленную «Александра Васильевича» (Колчака)¹⁷ А. В. Тимиреву, которая дожила до 1975 года...

Сейчас такие жесты стали общей модой, и многие видят во всех генералах и офицерах Белой армии жертвенных (пусть и тщетных) спасителей русской монархии... Однако перед нами глубочайшее заблуждение. Один из виднейших деятелей Белой армии, генерал-лейтенант Я. А. Слащов-Крымский¹⁸ поведал в своих предельно искренних воспоминаниях, что по политическим убеждениям эта армия представляла как «мешанина кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов... “Боже Царя храни...” провозглашали только отдельные тупицы (то есть люди, не понимавшие основную направленность белых. — В. К.), а масса Добровольческой армии надеялась на “учредилку”, избранную

по “четырёххвостке”, так что, по-видимому, эсеровский элемент преобладал»*.

Впрочем, обратимся к главным вождям Белой армии. Все они — «выдвиженцы» кадетско-эсеровского Временного правительства. Не буду останавливаться на беззастенчиво предавшем своего Государя и занявшем его пост Верховного главнокомандующего М. В. Алексееве¹⁹, поскольку он не так уж знаменит. Но вот широко популярные Л. Г. Корнилов и А. И. Деникин²⁰. К Февралю они были всего только командирами корпусов, то есть стояли в ряду многих десятков тогдашних военачальников. В 1917 году за нелепо краткий срок в несколько месяцев они перепрыгивают через ряд ступенек должностной иерархии. Корнилов становится сначала Главнокомандующим войсками Петроградского военного округа и первым делом — уже 7 марта — лично арестовывает царскую семью... Затем он командует армией, фронтом и, наконец, назначается Верховным главнокомандующим. Деникин в марте же из комкора превращается в начальника штаба Ставки Верховного главнокомандования, а затем получает в руки Западный фронт...

Необходимо иметь в виду при этом, что Временное правительство провело очень большую «чистку» в армии. Лучший современный знаток военной истории А. К. Кавтарадзе сообщает: «Временное правительство уволило из армии сотни генералов, занимавших при самодержавии высшие строевые и административные посты... Многие генералы, отрицательно относившиеся к проводимым в армии реформам... уходили из армии сами»**. Совершенно иной была судьба Корнилова и Деникина.

Всем известно, что оба эти генерала вступили позднее в острый конфликт с Керенским; однако это был скорее результат борьбы за власть, нежели следствие каких-либо глубоких расхождений.

Вице-адмирал А. В. Колчак к Февралю был на более высокой ступени, чем эти два генерала; он командовал Черноморским флотом. Вскоре после переворота его призывают в Петроград, чтобы отдать в его руки важнейший Балтийский флот. Чуть ли не первое, что он делает, приехав в столицу, — идет на поклон к патриарху РСДРП Г. В. Плеханову...²¹ Назначение Колчака,

* *Слащов-Крымский Я. А.* Белый Крым 1920 г. М., 1990, с. 40.

** *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. М., 1988, с. 30.

который тут же был произведен в «полные» адмиралы, на Балтику в силу разных обстоятельств отложили, и Временное правительство отправляет его с некой до сих пор не вполне ясной миссией в США (официально речь шла всего-навсего об «обмене опытом» в минном деле, но по меньшей мере странно, что подобная роль предоставляется одному из ведущих адмиралов...). Из США Колчак через Японию и Китай прибывает в сопровождении представителей Антанты в Омск, чтобы стать военным министром, а позднее главой созданного здесь ранее эсеровско-кадетского правительства. Едва ли не главным «иностранным» советником Колчака оказывается в Омске капитан французской армии (в которую он поступил в 1914 году), родной брат-погодок Я. М. Свердлова²² и приемный сын А. М. Горького (Пешкова) Зиновий Пешков, еще в июле 1917 года назначенный представителем французского правительства при Керенском, а позднее явившийся (как и Колчак, через Японию и Китай) в Сибирь...

Перед нами поистине поразительная ситуация: в красной Москве тогда исключительно важную — вторую после Ленина — роль играет Яков Свердлов, а в белом Омске в качестве влиятельнейшего советника пребывает его родной брат Зиновий! Невольно вспоминаешь широко известное стихотворение Юрия Кузнецова «Маркитанты»... При этом нельзя еще не напомнить, что именно Колчак был объявлен тогда Верховным правителем России, которому — пусть хотя бы формально — подчинялись все без исключения белые.

Все эти и другие подобные факты, раскрывающие характер белого движения, отнюдь не являются в настоящее время некими тайнами за семью печатями (хотя кое-что в них остается сугубо таинственным); они изложены по документальным данным в целом ряде общедоступных исследований. Но в общем сознании эти факты не присутствуют. Так, например, в новейших кинофильмах, изображающих белых (а таких фильмов было немало) последние обычно представлены в качестве истовых монархистов. Разумеется, в составе Белой армии были и монархисты, но они, если и действовали, то сугубо тайно и к тому же подвергались слежке, а подчас и репрессиям.

<...>

В конце концов Белая армия никак не могла — если бы даже и хотела — идти на бой ради восстановления монархии, поскольку

Запад (Антанта), обеспечивающий ее материально (без его помощи она была бы бессильна) и поддерживавший морально, ни в коем случае не согласился бы с «монархической» линией (ибо это означало бы воскрешение той реальной великой России, которую Запад рассматривал как опаснейшую соперницу).

<...>

* * *

Итак, в гражданской войне столкнулись две по сути своей «революционных» силы. Отсюда и крайняя жестокость борьбы. Для консерваторов (а монархисты, без сомнения, консервативны по определению) вовсе не характерна агрессивность, они видят свою цель в том, чтобы *сохранить*, а не *завоевать*.

В высшей степени характерно, что Николай II²³ без борьбы отрекся от престола, ибо, как сказано в его Манифесте от 2 марта 1917 года, «почли Мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение...»

Но об этом мы будем говорить в следующей главе. Отмечу еще, что многое из того, о чем было сказано выше, имеет прямое отношение к сегодняшним проблемам, но для выявления сей «переключки» необходимо охарактеризовать еще ряд сторон эпохи Революции.

<...>

Что же в действительности произошло в 1917 году?

На этот вопрос за восемьдесят лет были даны самые различные, даже прямо противоположные ответы, и сегодня они более или менее знакомы внимательным читателям. Но остается почти не известной либо преподносится в крайне искаженном виде точка зрения «черносотенцев», их ответ на этот нелегкий вопрос.

Выше не раз было показано, что «черносотенцы», не ослепленные иллюзорной идеей прогресса, задолго до 1917 года ясно предвидели действительные плоды победы Революции, далеко превосходя в этом отношении каких-либо иных идеологов (так, член Главного совета Союза русского народа П. Ф. Булацель²⁴ провидчески — хотя и тщетно — взывал в 1916 году к либералам:

«Вы готовите могилу себе и миллионам ни в чем не повинных граждан»). Естественно предположить, что и непосредственно в 1917-м и последующих годах «черносотенцы» глубже и яснее, чем кто-либо, понимали происходящее, и потому их суждения имеют первостепенное значение.

Начать уместно с того, что сегодня явно господствует мнение о большевистском перевороте 25 октября (7 ноября) 1917 года как о роковом акте уничтожения Русского государства, который, в свою очередь, привел к многообразным тяжелейшим последствиям, начиная с распада страны. Но это заведомая неправда, хотя о ней вещали и вещают многие влиятельные идеологи. Гибель Русского государства стала необратимым фактом уже 2(15) марта 1917 года, когда был опубликован так называемый «приказ № 1» Он исходил от Центрального исполнительного комитета (ЦИК) Петроградского — по существу Всероссийского — совета рабочих и солдатских депутатов, где большевики до сентября 1917 года ни в коей мере не играли руководящей роли; непосредственным составителем «приказа» был секретарь ЦИК, знаменитый тогда адвокат Н. Д. Соколов (1870–1928)²⁵, сделавший еще в 1900-х годах блистательную карьеру на многочисленных политических процессах, где он главным образом защищал всяческих террористов. Соколов выступал как «внефракционный социал-демократ».

«Приказ № 1» обращенный к армии, требовал, в частности, «немедленно выбрать комитеты из выборных представителей (торопливое составление текста привело к назойливому повтору: «выбрать... из выборных». — В. К.) от нижних чинов... Всякого рода оружие... должно находиться в распоряжении... комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам... Солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане...»* и т. д.

Если вдуматься в эти категорические фразы, станет ясно, что дело шло о полнейшем уничтожении созданной в течение столетий армии — станового хребта государства; одно уже демагогическое положение о том, что «свобода» солдата не может быть ограничена «ни в чем», означало ликвидацию самого института армии. Не следует забывать к тому же, что «приказ» отдавался в условиях *грандиозной мировой войны*, и под ружьем в России

* Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. М., 1981, с. 18.

было около одиннадцати миллионов человек; кстати, последний военный министр Временного правительства А. И. Верховский свидетельствовал, что приказ № 1 был отпечатан «в девяти миллионах экземпляров»!*

Для лучшего понимания ситуации следует обрисовать обстоятельства появления приказа. 2 марта Соколов явился с его текстом, — который уже был опубликован в утреннем выпуске «Известий Петроградского совета», — перед только что образованным Временным правительством. Один из его членов, В. Н. Львов²⁶, рассказал об этом в своем мемуаре, опубликованном вскоре же, в 1918 году: «... быстрыми шагами к нашему столу подходит Н. Д. Соколов и просит нас познакомиться с содержанием принесенной им бумаги... Это был знаменитый приказ номер первый... После его прочтения Гучков (военный министр. — В. К.) немедленно заявил, что приказ... немыслим, и вышел из комнаты. Милюков (министр иностранных дел. — В. К.) стал убеждать Соколова в совершенной невозможности опубликования этого приказа (он не знал, что газету с его текстом уже начали распространять. — В. К.)... Наконец, и Милюков²⁷ в изнеможении встал и отошел от стола... я (то есть В. Н. Львов, обер-прокурор Синода. — В. К.) вскочил со стула и со свойственной мне горячностью закричал Соколову, что эта бумага, принесенная им, есть преступление перед родиной... Керенский (тогда — министр юстиции, с 5 мая — военный, а с 8 июля — глава правительства. — В. К.) подбежал ко мне и закричал: “Владимир Николаевич, молчите, молчите!”, затем схватил Соколова за руку, увел его быстро в другую комнату и запер за собой дверь...»**.

А став 5 мая военным министром, Керенский всего через четыре дня издал свой «Приказ по армии и флоту», очень близкий по содержанию к соколовскому; его стали называть «декларацией прав солдата». Впоследствии генерал А. И. Деникин писал, что «эта “декларация прав”... окончательно подорвала все устои армии»***. Впрочем, еще 16 июля 1917 года, выступая в присутствии Керенского (тогда уже премьера) Деникин не без дерзости заявил:

* *Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959, с. 207.

** Цит по кн.: *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980, с. 69.

*** *Деникин А. И.* Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1990, № 8, с. 78.

«Когда повторяют на каждом шагу (это, кстати, характерно и для наших дней. — В. К.), что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие...» Не считая, по-видимому, «тактичным» прямо назвать имена виновников, генерал сказал далее: «Развалило армию военное законодательство последних месяцев» (цит. изд., с. 114); присутствующие ясно понимали, что «военными законодателями» были Соколов и сам Керенский (кстати, в литературе есть неправильные сведения, что Деникин будто бы все же назвал тогда имя Керенского).

Но нельзя не сказать, что «прозрение» Деникина фатально запоздало. Ведь согласился же он 5 апреля (то есть через месяц с лишним после опубликования приказа № 1) стать начальником штаба Верховного главнокомандующего, а 31 мая (то есть вслед за появлением «декларации прав солдата») — главнокомандующим Западным фронтом. Лишь 27 августа генерал порвал с Керенским, но армии к тому времени уже, в сущности, не было...

Необходимо взглянуть в фигуру Соколова. Ныне о нем знают немногие. Характерно, что в изданном в 1993 году биографическом словаре «Политические деятели России. 1917» статьи о Соколове нет, — хотя там представлено более 300 лиц, сыгравших ту или иную роль в 1917 году (большинство из них с этой точки зрения значительно уступает Соколову). Впрочем, и в 1917 году его властное воздействие на ход событий казалось не вполне объяснимым. Так, автор созданного по горячим следам и наиболее подробного рассказа о 1917 годе (и сам активнейший деятель того времени) Н. Н. Суханов-Гиммер²⁸ явно удивлялся, как он писал, «везде бывавшему и все знающему Н. Д. Соколову, одному из главных работников первого периода революции»*. Лишь гораздо позднее стало известно, что Соколов, как и Керенский, был одним из руководителей российского масонства тех лет, членом его многочисленного «Верховного совета» (Суханов, кстати сказать, тоже принадлежал к масонству, но занимал в нем гораздо более низкую ступень). Нельзя не отметить также, что Соколов в свое время положил начало политической карьере Керенского (тот был одиннадцатью годами моложе), устроив ему в 1906 году приглашение на громкий процесс над прибалтийскими террористами,

* Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1990, т. 1, с. 53.

после которого этот тогда безвестный адвокат в одночасье стал знаменитостью.

<...>

И к настоящему времени неопровержимо доказано, что российское масонство XX века, начавшее свою историю еще в 1906 году, явилось решающей силой Февраля прежде всего именно потому, что в нем *слились воедино* влиятельные деятели различных партий и движений, выступавших на политической сцене более или *менее разрозненно*. Скрепленные клятвой перед своим и одновременно высокоразвитым западноевропейским масонством (о чем еще пойдет речь), эти очень разные, подчас, казалось бы, совершенно несовместимые деятели — от октябристов до меньшевиков — стали дисциплинированно и целеустремленно осуществлять единую задачу. В результате был создан своего рода мощный кулак, разрушивший государство и армию... Масонам в Феврале удалось быстро разрушить государство, но затем они оказались совершенно бессильными и менее чем через восемь месяцев потеряли власть, не сумев оказать, по сути дела, ровно никакого сопротивления новому, Октябрьскому, перевороту.

<...>

В советской историографии господствовала точка зрения, согласно которой народное бунтарство между Февралем и Октябрем было-де борьбой за социализм-коммунизм против буржуазной (или хотя бы примиренческой по отношению к буржуазному, капиталистическому пути) власти, а мятежи после Октября являлись, мол, уже делом «кулаков» и других «буржуазных элементов». Как бы в противовес этому в последнее время была выдвинута концепция всенародной борьбы против социализма-коммунизма в послеоктябрьское время, — концепция, наиболее широко разработанная эмигрантским историком и демографом М. С. Бернштамом.

И та и другая точки зрения (и сугубо советская, и столь же сугубо «антисоветская») едва ли верны...

Советская историография пыталась доказывать, что это «стихийное движение» было по своей сути «классовым» и вскоре пошло-де за большевиками. А нынешний «антисоветский» историк М. С. Бернштам, напротив, настаивает на том, что после Октября народное движение было всецело направлено против социализма-коммунизма (ту же точку зрения — независимо

от этого эмигранта — выдвигал в ряде недавних своих сочинений и В. А. Солоухин²⁹).

Бунин³⁰, который прямо и непосредственно наблюдал «русский бунт», словно предвидя появление в будущем сочинений, подобных бернштамовскому, записал в дневнике 5 мая 1919 года: «...мужики... на десятки верст разрушают железную дорогу (будто бы для того, чтобы “не пропустить” коммунизм. — В. К.). Плохо верю в их “идейность”. Вероятно, впоследствии это будет рассматриваться как “борьба народа с большевиками”... дело заключается... в охоте к разбойничьей, вольной жизни, которой снова охвачены теперь сотни тысяч...» (указ. соч., с. 112).

Нельзя не заметить, что М. С. Бернштам — по сути дела, подобно ортодоксальным советским историкам — предлагает «классовое», или, во всяком случае, политическое толкование «русского бунта» (как антикоммунистического), — хотя и «оценивает» антикоммунизм совсем по-иному, чем советская историография. В высшей степени характерно, что он опирается в своей работе почти исключительно на большевистские тезисы и исследования. «В. И. Ленин... — с удовлетворением констатирует, например, М. С. Бернштам, — указывал, что эта сила крестьянского и общенародного повстанчества или, в его терминах, мелкобуржуазной стихии, оказалась для коммунистического режима опаснее всех белых армий вместе взятых»*. Действительно, В. И. Ленин — кстати сказать, в полном согласии с приведенными выше суждениями Л. Д. Троцкого — не раз утверждал, что «мелкобуржуазная анархическая стихия» представляет собой «опасность, во много раз (даже так! — В. К.) превышающую всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, сложенных вместе» (т. 43. с. 18), что она — «самый опасный враг пролетарской диктатуры» (там же, с. 32).

<...>

После разрушения веками существовавшего государства народ явно не хотел признавать никаких форм государственности. Об этом горестно писал в феврале 1918 года видный меньшевистский деятель, а впоследствии один из ведущих советских дипломатов, И. М. Майский (Ляховецкий, 1884–1975)³¹: «...когда великий переворот 1917 г. (имеется в виду Февраль. — В. К.) смел с лица земли старый режим, когда раздались оковы, и народ по-

* *Бернштам М.* Стороны в гражданской войне 1917–1922 гг. М., 1992, с. 21.

чувствовал, что он свободен, что нет больше внешних преград, мешающих выявлению его воли и желаний, — он, это большое дитя, наивно решил, что настал великий момент осуществления тысячелетнего царства блаженства, которое должно ему принести не только частичное, но и полное освобождение»*.

<...>

И, взяв в октябре власть, большевики в течение длительного времени боролись вовсе не за социализм-коммунизм, а за удержание и упрочение власти, — хотя мало кто из них признавал это с действительной ясностью. То, что было названо периодом «военного коммунизма» (1918 — начало 1921 года), на деле являло собой «бешеную», по слову Троцкого, борьбу за утверждение власти, а не создание определенной социально-экономической системы; в высшей степени характерно, что, так или иначе утвердив к 1921 году границы и устои государства, большевики провозгласили «новую» экономическую политику (НЭП), которая в действительности была вовсе не «новой», ибо по сути дела возвращала страну к прежним хозяйственным и бытовым основам. Реальное «строительство» социализма-коммунизма началось лишь к концу 1920-х годов.

Сами большевики определяли НЭП как свое «отступление» в экономической сфере, но это в сущности миф, ибо «отступать» можно от чего-то уже достигнутого. Между тем к 1921 году подавляющее большинство — примерно 90 процентов — промышленных предприятий просто не работало (ни по капиталистически, ни по коммунистически), а крестьяне работали и жили, в общем, так же, как и до 1917 года (хотя имели до 1921 года очень мало возможностей для торговли своей продукцией). Слово «отступление» призвано было, в сущности, «успокоить» тех, кто считал Россию уже в каком-то смысле социалистически-коммунистической страной: Россия, мол, только на некоторое время вернется от коммунизма к старым экономическим порядкам.

Подлинно глубокий историк и мыслитель Л. П. Карсавин³², высланный за границу в ноябре 1922 года, писал в своем трактате, изданном в следующем же, 1923 году в Берлине: «Тысячи наивных коммунистов... искренне верили в то, что, закрывая рынки и “уничтожая капитал”, они вводят социализм... Но разве нет непрерывной связи этой политики с экономическими

* Минувшее. Исторический альманах. I. М., 1990, с. 309.

мерами последних царских министров, с программой того же Ритгиха (министр земледелия в 1916 — начале 1917 г. — *В. К.*)? Возможно ли было в стране с бегущей по всем дорогам армией, с разрушающимся транспортом... спасти города от абсолютного голода иначе, как реквизируя и распределяя, грабя банки, магазины, рынки, прекращая свободную торговлю? Даже этими героическими средствами достигалось спасение от голодной смерти только части городского населения и вместе с ним правительственного аппарата: другая часть вымирала. И можно ли было заставить работать необходимый для всей этой политики аппарат — матросов, красноармейцев, юнцов-революционеров иначе, как с помощью понятных и давно знакомых им по социалистической пропаганде лозунгов?.. коммунистическая идеология (так называемый «военный коммунизм». — *В. К.*) оказалась полезной этикеткой для жестокой необходимости... И не мудрено, что, плывя по течению, большевики воображали, будто вводят коммунизм»*. В свете всего этого становится ясно, что народ в первые годы после Октября (как и после Февраля) оказывал сопротивление новой власти (причем любой власти — и красных, и белых), а не еще не существовавшему тогда социализму-коммунизму. И главная, поглощающая все основные усилия задача большевиков состояла тогда — хотя они мало или даже совсем не осознавали это — в утверждении и укреплении власти как таковой.

Михаил Пришвин³³ — единственный из крупнейших писателей, проживший все эти годы в деревне — записал 11 сентября 1922 года: «...крестьянин потому идет против коммуны, что он идет против власти».

<...>

Р. С. Когда эта глава моего сочинения уже была сдана в набор, на прилавках появилась книга <...> У. Лакера «Черная сотня. Происхождение русского фашизма», изданная в Москве «при поддержке» пресловутого «Фонда Сороса». Благодаря этой «поддержке» книга вышла немалым в нынешних условиях тиражом и продается по весьма низкой цене. Поэтому было бы неправильным умолчать о ней в этом сочинении.

Нечто подобное фашизму, без сомнения, имело место в России XX века. Так, например, 17 сентября 1918 года в одной из вли-

* Карсавин Л. П. *Философия истории*. СПб., 1993, с. 307–309.

ятельнейших тогда газет, «Северная коммуна», было опубликовано следующее беспрецедентное требование члена ЦК РКП(б) и председателя Петросовета Г. Е. Зиновьева³⁴ (с 1919-го — глава Коминтерна): «Мы должны увлечь за собой девяносто миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожать»*. И, как было показано выше, за последующие четыре года жертвами стало даже в два раза больше людей — примерно 20 (а не 10) миллионов...

Но Лакер об этом даже не упоминает и пытается углядеть фашизм в совсем иных явлениях; к тому же он определяет его уже в самом заглавии книги как «русский». Основы этого фашизма заложил, как утверждает Лакер, Союз русского народа, который, оказывается, исповедовал «расизм»**, — как и впоследствии германские фашисты. Написав об этом, Лакер, по всей вероятности, испугался, что лживость его утверждения будет слишком очевидна, и счел нужным сделать оговорку: «Чистокровный, примитивный расизм нельзя было внедрять в стране, где половина населения была нерусского происхождения... Можно было еще взять курс на изгнание или уничтожение всех нерусских, однако такое решение было бы чересчур радикальным для партии, которая хотя и шла к фашизму, но была еще далека от этих неясных целей» (с. 64–65).

Итак, Союз русского народа вообще-то жаждал изгнать или уничтожить «всех нерусских», однако еще не дозрел до этого; к тому же было, так сказать, и объективное препятствие: половину населения Империи составляли-де «нерусские».

Что сказать по этому поводу? Провозглашение половины населения Империи «нерусским» — это фальсификация, грубая даже и для уровня Лакера. Ведь любой чуть-чуть знакомый с проблемой человек знает, что для Союза русского народа «русскими» являлись в равной мере все три восточнославянских племени, более того, самыми многочисленными сторонниками Союз располагал среди малороссов-украинцев. И потому русские (великороссы, малороссы и белорусы) составляли не 50, а около 70 процентов населения страны.

* Цит. по кн.: История советской литературы. Новый взгляд. 4.2. М., 1990, с. 28.

** Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994, с. 64.

Но, может быть, Лакер прав по отношению к остальным 30 процентам, и Союз русского народа если и не уничтожал их, то во всяком случае относился к ним как к враждебным чужакам? Забавно, что сам Лакер тут же себя опровергает. Ему хочется дискредитировать «черносотенцев» во всех возможных аспектах и, стремясь показать их национальную «несостоятельность», он сообщает, что немало видных «черносотенных» деятелей «было нерусского происхождения: Пуришкевич, Грингмут, Бутми де Кацман, Крушеван, генерал Каульбарс, Левендаль, Энгельгардт, Плеве, Пеликан, генерал Рано. Рихтер-Шванебах и другие» (с. 69). Перечень таких нерусских лидеров «черносотенства» можно продолжать и продолжать. Но как это совместить с «расизмом» — или хотя бы с национализмом — Союза русского народа? Что это за националисты, которые избирают в качестве вожаков многочисленных людей иного национального происхождения?

Впрочем, к насквозь лживой книге Лакера мы еще вернемся; здесь же нельзя не сказать об его рассуждении о российском масонстве XX века, поскольку я подробно рассматривал эту тему.

Лакер не отрицает (да это и невозможно) существование масонов в революционной России, но без всяких аргументов утверждает, что они не играли хоть сколько-нибудь существенной роли. Их «миссия» в Феврале — это-де выдумка нескольких эмигрантов и современных русских историков. Трудно поверить, что Лакер ничего не знает о целом ряде работ западных историков (Л. Хаймсон, Б. Нортон, Н. Смит, Б. Элкин и др.)*, пришедших, в сущности, к тем же выводам, что и их русские коллеги. Словом, перед нами опять заведомая ложь.

Впрочем, это обычный «прием» Лакера. Так, например, он упоминает коллективный труд «Погромы: противоеврейское насилие в новейшей русской истории», изданный в 1992 году Кембриджским университетом (я писал о нем; см. «Наш современник», 1994, № 8, с. 138–140), и даже дает ему высокую оценку: «Глубокое исследование причин и обстоятельств погромов» (с. 56). В этом труде показано, в частности, что «черносотенцы» отнюдь не устраивали погромов. Однако Лакер всего через две страницы беспардонно пишет, что-де Н. Е. Марков³⁵ планировал, как «в грядущих погромах погибнут все евреи, до последнего» (с. 59).

* См. библиографию в журн. «Вопросы истории», 1989, № 6, с. 35–38.

Но на каких же основаниях Лакер отвергает все многочисленные исследования о роли масонства в Февральской революции? А крайне просто: он ссылается на написанную еще в 1981 году книгу воинствующего советского историка А. Я. Авреха «Масонство и революция», которая якобы содержит истину в последней инстанции (с. 20). Из книги Авреха можно узнать, что историки, говорящие о роли масонства, «практически отвергают марксистско-ленинскую концепцию развития революционного процесса в России»*. Это в самом деле так, и Аврех — вслед за «академиком И. И. Минцем», на статью которого он почтительно ссылается в своей книге, — ринулся отстаивать сию концепцию.

Так что Лакер — хочет он того или не хочет — оказывается единомышленником Авреха и Минца. Могут возразить, что в книге Лакера есть нападки на тех или иных коммунистов. Это действительно так, но с одним в высшей степени многозначительным уточнением: Лакеру не нравятся те коммунисты, которые хоть в какой-либо мере склонны к патриотизму. Истинный враг для Лакера — вовсе не коммунизм (в любом смысле этого слова), но Россия. И это необходимо осознать каждому, кто возьмет в руки его книгу, — как, кстати сказать, и многие другие западные сочинения о России...

Вожди и история

В подавляющем большинстве нынешних сочинений о первых послереволюционных десятилетиях предпринят кардинальнейший «пересмотр» тех представлений об этом периоде истории, которые господствовали ранее. Произошла своего рода замена знака плюс на минус: то, что рассматривалось как исторические победы и достижения, стали толковать в качестве поражений и бед. Притом нередко этим самым «пересмотром» занимаются авторы, которые еще десять, максимум пятнадцать лет назад писали нечто прямо противоположное...

Естественно, что многих людей возмущает или по меньшей мере смущает такое положение вещей, но проблема все же не столь проста, как может показаться с первого взгляда. Выше уже шла речь об относительности и в конечном счете мнимости понятия

* Аврех А. Я. Масонство и революция. М., 1990, с. 18.

«прогресс», которое, строго говоря, являет собой мобилизующий и обнадеживающий людей *миф*, ибо в силу всеобщих законов бытия любое приобретение неизбежно оборачивается не менее существенными потерями. Так, например, ныне все более широкие круги людей осознают, что гигантские победы в сфере научно-технического прогресса, завоеванные в нашем столетии, ставят под вопрос самое бытие человечества (и даже жизнь на Земле вообще).

Поэтому переосмысление каких-либо явлений и событий истории, в результате которого то, что толковалось как победа, представит как поражение, не является чем-то абсурдным, — хотя, конечно, такое переосмысление должно быть подлинно основательным и тщательно аргументированным (ныне же многие пересмотры явно легковесны и бездоказательны).

Но есть и другая сторона проблемы «пересмотра». В течение долгого времени все исторические победы и достижения преподносились как плоды разумения и деяния «вождей» — Ленина и Сталина. Хотя к XX веку было выработано — в том числе, кстати сказать, и в *марксистских* сочинениях — достаточно объективное понимание *роли личности в истории*, внедряемая в массы *идеология* с ним, в сущности, не считалась, заставляя подчиняться себе и профессиональных историков. И ход событий с 1917 по 1953 год оказывался в основном попросту выражением деятельности вождей...

Но вот в чем странный и даже нелепый парадокс: авторы, которые со второй половины 1980-х годов начали взапуски проклинать Сталина, а затем Ленина, всецело сохранили в себе внушенное господствовавшей до 1956 года идеологией убеждение, что все происходившее после 1917 года в стране — результат мысли и воли вождей! Правда, теперь они толковали эти результаты как тяжкие беды и поражения, но самая основа, фундамент их понимания истории остался прежним!* Перед нами, по сути дела, пресловутый «культ личности» — пусть и «наизнанку» (ниже будут приведены конкретные образчики этого сегодняшнего культа — например, в сочинениях о 1937-м годе и о Великой Отечественной войне).

* См., например: Антонов-Овсеенко А. Сталин без маски. М., 1990; Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В двух книгах. М., 1989; Радзинский Э. Сталин. М., 1997.

Разумеется, объективный ход истории так или иначе выражался, проявлялся и в действиях вождей, но совершенно несостоятельно представление, согласно которому историческое бытие громадной страны, так или иначе связанное с бытием мира в целом, являлось выражением мысли и воли вождей. Между тем именно такое представление в той или иной мере присутствует в множестве нынешних сочинений.

И надо прямо сказать, что их авторы находятся в зависимости — конечно, бессознательной — от той идеологии, которая была внедрена в массовое сознание много лет назад, — идеологии, внушавшей, что все совершавшееся в стране — плод личных, собственных, в конце концов, своевольных «решений» Ленина и Сталина.

И для начала обратимся к ряду конкретных «решений» Сталина, дабы убедиться, что они были продиктованы ходом самой *истории*, а не его личными «замыслами».

* * *

Вот хотя бы первое по времени (конец 1924–1925 гг.) кардинальное сталинское решение о строительстве социализма «в *одной* стране», которое ранее восхвалялось, а теперь чаще всего проклинается как установка на «национал-большевизм» (о котором мы еще будем говорить). Между тем давно доказано, что Н. И. Бухарин³⁶ выдвинул эту проблему ранее Сталина* и, главное, обосновал ее реализацию в двух обстоятельных статьях (которые *тогда* имели значительно большее влияние, чем сталинские статьи): «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (1925) и «О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР» (1926).

Но суть дела даже не в этом. Совершившийся в 1925–1926 годы отказ от незыблемой ранее установки на *мировую* (или хотя бы западноевропейскую) революцию, без которой, мол, ни о каком социализме в России не может быть и речи, являлся не волевым, а *вынужденным* актом. Это убедительно показано, между прочим, в книге, принадлежащей современному историку самого молодого

* См. об этом, например: *Валентинов Н. В.* Построение социализма в одной стране // *Валентинов Н. В.* Наследники Ленина. М., 1991, с. 55–81.

поколения, С. В. Цакунову, — «В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы» (М., 1994). То, что перед нами именно молодой историк, весьма важно: С. В. Цакунов не испытал давления различных идеологических тенденций, характерных для предшествующих десятилетий, и смог подойти к изучению предмета более или менее беспристрастно.

Он доказывает, что в основных политических решениях 1920-х годов выражался «тот путь, по которому *стихийно* (курсив здесь и далее мой. — В. К.) развивалась практика руководства экономической жизнью... Как потом показал опыт, это был *единственно возможный* вариант практического руководства экономической жизнью... В дальнейшем Сталин и его окружение... использовали этот метод, не называя его непосредственно. Суть его состояла в том, что делались лишь те уступки, без которых дальше режим удержаться у власти уже бы не смог...» (с. 107–108).

В своих «решениях» и Ленин, и Бухарин (который с конца 1925 до середины 1928 года играл в определении партийной линии безусловно первую роль), и, далее, Сталин так или иначе реагировали на изменения в экономическом и политическом бытии страны. При этом, подчеркивает С. В. Цакунов, «Сталин осознал для себя не только стратегическое значение идеи “социализма в одной стране”, как это он делал вслед за Бухариным, но и ее конкретно-практическую функцию, позволявшую смелее смотреть в лицо новым опасностям» (с. 147), и потому «к процессу формирования “гарантий”, совершавшемуся под прикрытием идеи “социализма в одной стране”, Сталин подходил шире, чем Бухарин, и гораздо прагматичнее» (с. 146).

Этот вывод молодого историка резко расходится с настойчиво пропагандируемым в последние годы представлением, согласно которому как раз Бухарин — широко мыслящий «прагматик» (Ленин, знавший его лучше, чем нынешние его апологеты, квалифицировал его, наоборот, как «схоластика») в отличие от «догматика» Сталина. Но решение о немедленной коллективизации, которое в 1928 году выдвинул — уже самостоятельно (и в противовес Бухарину) — Сталин, было продиктовано не политической догмой, а реальным положением в экономике страны.

Вопрос о необходимости коллективизации вообще-то был решен (теоретически — как перспективный план) при Ленине, однако даже еще в ноябре 1927 года Сталин говорил о коллективизации:

«К этому дело идет, но к этому дело еще не пришло и *нескоро* придет» *. Тем не менее всего лишь через полгода, в мае 1928-го, он выступил с докладом «На хлебном фронте», из которого со всей ясностью следовало, что коллективизация — *неотложная*, насущнейшая задача. И уже в 1929 году началось ее глобальное практическое осуществление.

Ныне все знают, что коллективизация привела к тягчайшим и просто чудовищным последствиям.

<...>

Повторю еще раз, что я пока никак не «оцениваю» коллективизацию; я стремлюсь показать, что решение безотлагательно осуществить ее было вызвано не своеволием, а ходом истории. Может, впрочем, возникнуть вопрос о том, почему роковая нехватка товарного хлеба «обнаружилась» лишь к 1928 году. Но причина вполне ясна: после 1917-го очень резко *сократилось* городское население — и в силу гибели множества горожан, и в силу их массового «бегства» в деревню. Так, к 1920 году население Москвы уменьшилось по сравнению с дореволюционным в два раза, а Петрограда — даже почти в три раза. Но с 1923 года количество горожан начало неуклонно расти.

И в конечном счете именно эта исторически сложившаяся экономическая реальность продиктовала решение о неотложной коллективизации, — хотя в целях идеологической мобилизации пропагандировался тогда прежде всего и главным образом тезис о необходимости превращения сельского хозяйства — как и промышленности, — в *социалистическое* (то есть в колхозное и совхозное).

В последние годы очень много наговорено о порожденном спорами о коллективизации противостоянии Сталина и Бухарина. При этом необходимо иметь в виду, что решение о немедленной и всеохватывающей, «сплошной» коллективизации было, в сущности, *первым* самостоятельным и действительно реализованным решением Сталина (если иметь в виду, конечно, решения, определяющие политический курс в целом). Правда, Сталин и ранее пытался осуществить свое решение. Осенью 1922 года он выступал против создания Союза Советских Социалистических Республик, настаивая, чтобы Украина, Белоруссия, Азербайджан, Грузия,

* Сталин И. В. Сочинения, т. 10. М., 1949, с. 225.

Армения вошли на правах «автономных республик» в состав существовавшей с 1917 года РСФСР (хотя против этого категорически возражал, например, ЦК КП Грузии, заявивший тогда: «Объединение хозяйственных усилий и общей политики считаем необходимым, но с сохранением всех атрибутов независимости»)*.

Но решение Сталина было квалифицировано Лениным и большинством ЦК РКП(б) как проявление «великодержавного шовинизма», и 30 декабря 1922 года начал свою историю СССР. И в течение следующих пяти с лишним лет Сталин, в сущности, не выдвигал собственных кардинальных решений; он только поддерживал инициативы Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева (в 1923–1924 годах), а затем Н. И. Бухарина (в 1925 — начале 1928 года).

Как было показано выше, убеждение в насущной необходимости коллективизации сложилось у Сталина в апреле-мае 1928 года, и тогда же началось его — пока еще, правда, неявное — противостояние Бухарину (конфликт обнажился лишь в начале 1929 года). Во многих нынешних сочинениях утверждается, что Сталин выдвинул лозунг коллективизации чуть ли не главным образом ради отстранения Бухарина от власти. Вообще-то доля истины здесь есть, однако ничуть не меньше оснований для утверждения, что и Бухарин был крайне недоволен неожиданной инициативой Сталина, который ранее (пусть даже неохотно) *уступал* Бухарину (по ленинской характеристике декабря 1922 года, «ценнейшему и крупнейшему теоретику партии») право определять основы политического курса. А тут вдруг Сталин выступает с требованием коренного изменения этого курса, безоговорочного отказа от провозглашенной семь лет назад НЭП, которую Бухарин и вслед за ним и сам Сталин отстаивали в ожесточенной борьбе с Троцким, Зиновьевым, Каменевым.

<...>

* * *

...Итак, необходимо преодолеть своего рода сталинский синдром, побуждающий во всех «поворотах» конца 1920-х — начала 1950-х усматривать «своеволие» вождя. То, что это своеволие оценивают в прямо противоположном духе, — уже не столь суще-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., изд. пятое, т. 45. М., 1982, с. 556.

ственно, ибо и поклонники, и ненавистники Сталина оказываются равно несостоятельными толкователями истории.

К сожалению, либеральные идеологи чаще всего клеймят любые стремления глубже *понять* ход истории в сталинские времена как попытки «реабилитации» вождя. Только немногие умные люди этого круга (либерализм вообще крайне редко сочетается с сильным умом) способны подняться над заведомо примитивным, исходящим из попросту вывернутого наизнанку «сталинизма» представлением. Так, один из очень немногих умных либералов, Давид Самойлов³⁷, написал о «повороте», который как правило, толкуется в качестве чисто личного злодейства вождя: «Надо быть полным антидетерминистом (то есть полностью отрицать объективный ход истории. — В. К.), чтобы поверить, что укрепление власти Сталина было единственной исторической целью 37-го года, что он один мощью своего честолюбия, тщеславия, жестокости мог поворачивать русскую историю, куда хотел, и единолично сотворить чудовищный феномен 37-го года.

Если весь 37-й год произошел ради Сталина, то нет бога (даю самойловское написание — В. К.), нет идеального начала истории. Или — вернее — бог это Сталин, ибо кто еще достигал возможности самолично управлять историей!

Какие же предначертания высшей воли диким образом выполнил Сталин в 1937 году?»*

К этому сакраментальному вопросу мы еще вернемся, а пока обратим внимание: Давид Самойлов полагает, что суть происшедшего в 1937 году предначертала «*высшая воля*», хотя Сталин выполнил ее предначертание «*диким образом*»; ранее цитировалось такое же разграничение Константина Симонова³⁸: послевоенная борьба с «низкопоклонством» была, по его словам, «необходимой» и «здравой», но проводилась она, как это ни прискорбно, «варварски». Подобное разграничение цели и методов ее реализации отнюдь не оригинально: Сталина достаточно часто проклинали не столько за его «решения» как таковые, сколько за то, что он осуществлял их дикими, варварскими, чудовищными «методами».

Но этим он едва ли принципиально отличается от своих предшественников, игравших ведущие роли в 1917–1928 гг. Нередко это варварство выводят — что уж совсем смехотворно — из чисто

* Самойлов Д. Памятные записки. М., 1995, с. 344.

личных психических особенностей Сталина... Между тем любая революция в подлинном значении этого слова *не может не быть* воплощением «варварства» и «дикости», то есть, выражаясь не столь эмоционально, отрицанием, отменой всех выработанных веками правовых и нравственных устоев и норм человеческого бытия. Именно таков едва ли не главный вывод фундаментального сочинения о Великой французской революции, созданного еще в 1837 году крупнейшим английским мыслителем Томасом Карлейлем³⁹, который в свои юные годы непосредственно наблюдал последний период этой революции.

Карлейль стремился осмыслить бесчисленные чудовищные злодеяния французских революционеров. Затоплялись барки, чьи трюмы были набиты не принявшими новых порядков священниками; «но зачем жертвовать баркой? — продолжал Карлейль. — Не проще ли сталкивать в воду со связанными руками и осыпать свинцовым градом все пространство реки, пока последний из барахтающихся не пойдет на дно?.. И маленькие дети были брошены туда, несмотря на мольбы матерей. “Это волчата, — отвечала рота Марата, — из них вырастут волки”. Потом... женщин и мужчин связывают вместе за руки и за ноги и бросают. Это называют “республиканской свадьбой”... Вооруженными палачами расстреливались маленькие дети и женщины с грудными младенцами; ...расстреливали по 500 человек зараз...» И вот вывод Карлейля: «Жестока пантера лесов... но есть в человеке ненависть более жестокая, чем эта».

И образчик «предельной» (или, вернее, беспредельной) чудовищности: «В Медоне... существовала кожевенная мастерская для выделки человеческих кож; из кожи тех гильотинированных, которых находили достойными обдиранья, выдывалась изумительно хорошая кожа наподобие замши... История, оглядываясь назад... едва ли найдет в целом мире более отвратительный каннибализм... Цивилизация все еще только внешняя оболочка, сквозь которую проглядывает дикая, дьявольская природа человека»*, — так завершает Карлейль.

За четверть века (до начала Реставрации в 1814 году) Французская революция пожрала, по разным оценкам, от 3,5 до 4,5 млн челове-

* Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991, с. 390–491, 504–505.

ских жизней. Это может показаться не столь уж громадной цифрой, если забыть, что население Франции было тогда в 6–7 раз меньше населения России эпохи ее Революции (и, следовательно, гибель 4 млн французов соответствовала гибели 25–30 млн жителей России) и что в конце XVIII века не имелось тех средств уничтожения, которые «прогресс» создал к XX веку...

Известнейший специалист в области исторической демографии Б. Ц. Урланис писал о жертвах Французской революции: «...этот урон был настолько значителен, что французская нация так и не смогла от него оправиться и... он явился причиной уменьшения роста населения во Франции на протяжении всех последующих десятилетий»*. И в самом деле: ко времени Революции население Франции составляло 25 млн человек, Великобритании — 11 млн, Германии — 24 млн, а к концу XIX века соответственно: 38 млн 37 млн и 56 млн то есть население Германии выросло в два с лишним раза, Великобритании — даже в три с лишним, а Франции — всего лишь на 50 процентов...

«Варварство» революций, выражающееся и в самом характере, в «качестве» деяний революционеров, и в грандиозном *количестве* жертв, имеет свое достаточно четкое объяснение. Ведь революция — это уничтожение — *убийство* — существующего к моменту ее начала общественного организма; и потому не только те, кто пытаются защищать уничтожаемый прежний строй, но даже и те, кто не борются против него, предстают как ее *враги*. Один из вождей Французской революции, Сен-Жюст⁴⁰, обращаясь к соратникам, дал формулу, ставшую своего рода законом: «Вы должны карать не только предателей, но и равнодушных; вы должны карать всякого, кто пассивен в республике»**.

* * *

Я обратился к Французской революции, в частности, потому, что варварство Российской революции постоянно пытаются «объяснить» некой специфически «русской» жестокостью. Между тем

* Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960, с. 393.

** Цит. по кн.: Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой французской революции. М., 1989, с. 364.

сопоставление реальной картины обеих революций неоспоримо свидетельствует, что все происходившее с 1917 года в России если даже и не уступает, то и не превосходит дикость и гибельность происходившего после 1789 года во Франции. И необходимо сознавать, что двухсотлетняя даль времени и, кроме того, ежегодные пышные торжества в Париже 14 июля под звуки «Марсельезы» заслоняют чудовищные зрелища, разыгрывавшиеся перед тысячными толпами (гильотинировались и мальчики 13–14 лет, «которым, вследствие малорослости, нож гильотины приходился не на горло, а должен был размозжить череп»), и заглушают вопли людей, запертых в идущих на дно барках.

Нельзя не напомнить, что самый варварский террор приходится на первые пять революционных лет (до 1795 года), когда существовавший до 1789 года общественный организм еще так или иначе сопротивлялся, боролся за жизнь. И, возвращаясь к Российской революции, мы сможем убедиться, что дело здесь обстояло так же: самые дикие «методы» и самые громадные жертвы присущи *первому* пятилетию — до 1923 года.

В 1994 году были впервые опубликованы два поистине чудовищных приказа, отданных в июне 1921 года (когда, между прочим, Сталин еще не был «генсеком»). Речь шла о бунте тамбовского крестьянства («антоновщина»), начавшегося в августе 1920 года и к июню 1921-го уже почти полностью подавленного. Тем не менее 12 июня командующий войсками Тамбовской губернии (приказ подписал также начальник штаба этих войск) объявил:

«*Остатки разбитых банд и отдельные бандиты... собираются в лесах... Для немедленной очистки лесов ПРИКАЗЫВАЮ:*

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.

2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов...»

В соответствии с этим инспектор артиллерии распорядился:

«Стрельба должна вестись настойчиво и большим количеством снарядов... Общая скорость стрельбы не менее трех выстрелов в минуту на орудие...»

Это отношение к русским крестьянам, бунтовавшим против продразверстки (использование которой, кстати сказать, власти

неоправданно затянули — что к тому моменту уже было официально признано), как к неким вредным существам, словно бы не имеющим человеческого статуса, о многом говорит. Но еще более чудовищен был второй приказ, отданный через одиннадцать дней, 23 июня 1921 года:

«Опыт первого боевого участка показывает большую пригодность для быстрого очищения от бандитизма известных районов по следующему способу... По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60–100 наиболее видных лиц в качестве заложников... жителям дается *два часа* на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских *семей*... Если население бандитов и оружия не указало по истечении двухчасового срока... взятые заложники *на глазах у населения* расстреливаются, после чего берутся новые заложники и вторично предлагается выдать бандитов и оружие... В случае упорства проводятся *новые* расстрелы и т. д. (это “и т. д.” бесподобно! — В. К.) ...Настоящее Полномочная комиссия ВЦИК приказывает принять к неуклонному исполнению»*.

Как ни прискорбно, цитируемые приказы отдали (и проследили за их исполнением) бывшие русские офицеры, которые до революции, без сомнения, не могли даже вообразить себе подобные акции по отношению к русским крестьянам; это командующий войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевский, начальник штаба Н. Е. Какурин и главный заправила — председатель Полномочной комиссии ВЦИК В. А. Антонов-Овсеенко (до революции он также был некоторое время офицером русской армии).

Все трое в 1930-х годах погибли, и их участь рассматривается как одно из проявлений варварского сталинского террора. Но согласитесь: их гибель — чем бы она ни была вызвана — меркнет перед их злодеяниями и 1921 года по отношению к множеству людей...

Нельзя не сказать, что и тамбовские повстанцы отнюдь не были ангелами (о чем еще пойдет речь), однако такое поистине дьявольское поведение *власти* выявляет варварскую суть революции на первой ее стадии. В 1930-х годах едва ли можно обнаружить образчики подобной «методологии» в обращении с населением страны. Мне скажут, что это объясняется не «гуманизацией» власти, а отсутствием такого мощного сопротивления ей, какое имело

* «Родина. Российский историко-публицистический журнал». 1994, № 5, с. 56–57.

место в 1918–1921 годах. Но если даже причина именно в этом, факт остается фактом: варварство *первых* лет революции ни в коей мере не было «превзойдено» в последующий период. И это ясно не только из «качества» террора, но еще более из *количественных* масштабов гибели людей.

В массовом сознании по сей день господствует совершенно ложное представление, согласно которому наибольшие человеческие потери приходятся на вторую половину 1930-х годов, — в особенности на 1937 год. Это представление внедрялось в течение долгого времени идеологами, которых человеческие потери первых лет революции и периода коллективизации волновали не столь уж сильно или даже совсем не волновали... А погибших в «1937-м» эти идеологи воспринимали как близких им, «своих» людей.

В действительности человеческие потери 1918–1922 годов и даже 1929–1933 годов были прямо-таки несоизмеримо более значительными, нежели потери второй половины 1930-х годов. Чтобы доказать это, придется оперировать многочисленными цифрами, и я заранее прошу извинения у читателей, которые не привыкли или просто не желают иметь дело с какими-либо подсчетами. Но для понимания хода истории цифры в тех или иных случаях необходимы.

Начать следует с количества населения к ноябрю 1917 года на той территории, которая стала (до 1939 года) территорией СССР. Подчас и сегодня утверждается, что это население составляло 143,5 млн человек, хотя давно уже была опубликована работа историков-демографов Ю. А. Полякова и И. Н. Киселева (см. «Вопросы истории», 1980, № 6), в которой убедительно доказывалось, что перед нами заниженная на 4 с лишним миллиона цифра, и в действительности население страны составляло к 7 ноября 1917 года 147,6 млн а к началу 1918 года — примерно 148 млн человек.

В тщательном новейшем исследовании, осуществленном сотрудниками Института социально-экономических исследований Госкомстата России Е. М. Андреевым, Л. Е. Дарским и Т. Л. Харьковой, показаны изменения количества населения страны в продолжение сорока лет — с 1920 по 1959 год (см. в кн.: Население Советского Союза. 1922–1991. М., 1993). Эти подсчеты не претендуют на *абсолютную* точность, но возможные «погрешности» не могут быть сколько-нибудь существенными, ибо в ином случае в столь многочисленных цифрах обнаружились бы резкие несо-

впадения с результатами переписей 1926, 1937, 1939 и 1959 годов, а также какая-либо «внутренняя» противоречивость, — но этого не наблюдается.

Словом, результаты произведенного исследования позволяют надежно установить, каковы были человеческие потери в тот или иной период послереволюционной истории страны (правда, исключая младенческую и раннюю — до 5 лет — смертность).

К началу 1923 года население страны составляло 137,4 млн человек, но 18,9 млн из них родились после 1917 года, и, следовательно, от населения начала 1918 года (148 млн уцелело 118,5 млн человек, а 29,5 млн ($148 - 118,5 = 29,5$) — то есть 19,9%, каждый пятый! — в 1918–1922 годах «исчезли»...* Чтобы ясно увидеть, как велика была «сверхсмертность», обратимся к следующему — более или менее «мирному» — пятилетию 1923–1927 годов. К началу 1928-го в стране имелось 151,6 млн человек; 24,8 млн из них родились после 1922 года и, значит, за пять лет ушли из жизни 10,7 млн человек ($151,6 - 24,8 = 126,8$; $137,5 - 126,8 = 10,7$), всего 7,7% — то есть в два с половиной раза меньшая доля населения, чем в 1918–1922 годах!

Доля умерших вновь возрастает в 1929–1933 годах. К началу 1929-го население составляло 154,7 млн человек; к началу 1934-го — 156,8 млн из которых 20,5 млн родились после 1928 года. Таким образом, «исчезли» 18,4 млн человек ($156,8 - 20,5 = 136,3$; $154,7 - 136,3 = 18,4$) — 11,9% населения начала 1929 года (в полтора раза больше, чем в 1923–1927-м).

И, наконец, пятилетие 1934–1938 годов. К началу 1939-го — в стране 168,5 млн человек, в том числе 21,3 млн родившихся после 1933-го. Следовательно, ушли из жизни 9,6 млн человек ($168,5 - 21,3 = 147,2$; $156,8 - 147,2 = 9,6$) — 6,1% населения начала 1934 года.

Подведем итог. Доля «исчезнувших» в 1918–1922-м — 19,9%, в 1923–1927-м — 7,7%, в 1929–1933-м — 11,9%, в 1934–1938-м — всего лишь 6,1%, — меньше, чем в «мирных» 1923–1927-м!

* Часть из них эмигрировала, но она была не столь уж значительной, как нередко утверждают. Это вообще непростая проблема, так как многие из тех, кого причисляют к уехавшим из страны после 1917 года, в действительности эмигрировали раньше. Кроме того, значительная часть бежавших из страны во время гражданской войны вернулась после ее окончания. И можно считать вполне достоверной цифру всего 0,6–0,7 млн послереволюционных эмигрантов, приведенную в новейшем исследовании: Раев М. Россия за рубежом. М., 1994, с. 261–262.

Нетрудно предвидеть, что многие усомнятся в достоверности этих подсчетов. Но подобное сомнение — результат долгой обработки умов чисто «идеологическими» доводами, не имеющими никаких реальных обоснований.

<...>

Чиновный политкомиссар Волкогонов⁴¹ в своем — к сожалению, многими принятом на веру — претенциозном опусе «Триумф и трагедия» объявил 1937 год «страшной трагедией народа» (выделив эти слова жирным шрифтом).

Между тем мы располагаем не столь давно рассекреченными цифрами, точно зафиксировавшими количество смертных приговоров, вынесенных в 1937–1938 годах: их было 681692 (известно к тому же, что не все приговоры приводились в исполнение). Конечно же, это страшная цифра, и мы еще будем подробно обсуждать «загадку 1937 года», но все же едва ли уместно говорить в связи с этой цифрой о «народе», ибо дело идет о гибели всего 0,4% тогдашнего населения страны; такое количество не могло сколько-нибудь значительно повлиять на статистику умерших во второй половине 1930-х годов и вообще быть «замеченной» в этой статистике. Другое дело — соотношение процентной доли умерших в 1933 году (7,1% населения) и в 1937-м — (всего 2,1%): здесь очевидны миллионы погибших (в 1933-м)... Тем более разительно сопоставление с долями умерших в течение «мирных» 1923–1927 годов (7,7%) и в 1918–1922 (19,9%). Поскольку в 1923–1927 годах развитие здравоохранения было не очень значительным, уместно считать, что из 19,9% 12,1 (19,9–7,7)% населения начала 1918 года — то есть 17,9 млн (!) человек явились жертвами Революции... Словом, жертвы 1918–1922 годов (примерно 12% населения) и 1937–1938 годов (0,4% населения, то есть в 30 раз меньше!) поистине несопоставимы.

Мне могут возразить, что множество смертей в первое послереволюционное пятилетие объясняется жестокой засухой 1921 года, вызвавшей массовый голод. То есть миллионы людей погибли из-за стихийного природного бедствия, а не из-за Революции. Однако тридцатью годами ранее, в 1891 году, засуха была еще более широкомасштабной: неурожай охватил тогда территорию России с населением в 30 млн (в 1921-м — 25 млн человек. И тем не менее, благодаря мерам, предпринятым и государством и обществом, *голодных смертей* в прямом, точном смысле этого слова

в 1891–1892 годах, в сущности, не было; от недостаточного питания умирали лишь больные и слабые. Между тем в 1921–1922 годах миллионы стали жертвами тотального голода.

Факты ясно свидетельствуют, что революционная власть не только не предприняла необходимых мер для спасения людей, но и подавила общественные инициативы в этом направлении. Более того: власть воистину варварски использовала страшный голод в своих интересах, проводя изъятие церковных ценностей якобы ради закупки продовольствия для голодающих. В опубликованном в наше время «строго секретном» предписании Ленина недвусмысленно сказано:

«Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей... необходимо провести изъятие церковных ценностей... чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе (где проходила тогда международная конференция. — *В. К.*) в особенности совершенно немыслимы»*. Из этого очевидно, что церковные ценности (их денежную стоимость Ленин, надо сказать, сильно преувеличивал) отнюдь не собирались превращать в хлеб для голодающих...

И другой факт из той же истории голода. Как только выявилась надвигающаяся катастрофа, представители старой интеллигенции, не забывшие о борьбе общественности с голодом 1891 года, когда в спасении людей активно участвовали, среди других, Толстой и Чехов, создали (29 июня 1921 года) «Всероссийский комитет помощи голодающим», который, в частности, мог получить весомую поддержку за рубежом. Большую роль в создании и работе Комитета играл А. М. Горький.

Ленин был явно недоволен участием Горького в работе Комитета, и 8 августа 1921 года, в ответ на просьбу писателя о поддержке комитетских инициатив, писал, что-де «ничегошеньки» не может сделать для выполнения его просьбы, и, ссылаясь на болезнь Горького, настоятельно предлагал ему уехать из России: «В Европе в хорошем санатории будете и лечиться и втрое больше дела делать... А у нас ни лечения, ни дела — одна *суетня*. Зряшная *суетня*. Уезжайте, вылечитесь. Не упрямытесь, прошу Вас»**.

* «Известия ЦК КПСС», 1990, № 4, с. 191.

** *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 53, с. 109.

Вскоре А. И. Рыков⁴² сообщил Ленину, что, по рассказу одного его знакомого, избранный председателем Комитета видный экономист, «внефракционный» социал-демократ С. Н. Прокопович «держал противоправительственные речи» (что, кстати сказать, было характерно и для боровшихся с голодом интеллигентов 1890-х годов, — только бранили они тогда не революционное, а царское правительство). Этого оказалось достаточным, чтобы Ленин 26 августа распорядился немедленно распустить Комитет, арестовать Прокоповича и сослать в уездные города всех его сподвижников. В специальном письме «И. В. Сталину и всем членам Политбюро ЦК РКП(б)» Ленин объяснил свое решение тем, что Комитет готовится-де к захвату власти. ВЧК уже 27 августа исполнила ленинские указания относительно Комитета, а Горький 16 октября 1921 года отправился за рубеж, — по сути дела, эмигрировал (он возвратится лишь в 1928 году).

Уже хотя бы из этого ясно, что *революционная* власть (в отличие от власти 1891 года) не считала своим неукоснительным долгом принятие всех возможных — в том числе и рискованных для самой себя — мер ради спасения голодающих; ее гораздо более заботило сохранение так называемых завоеваний Революции...

По всей вероятности, найдутся оппоненты, которые возразят мне, что к жертвам Революции следует причислять не вообще всех погибших тогда людей, а только тех, кто были в прямом смысле слова убиты в боях или при подавлении бунтов. Но это едва ли сколько-нибудь оправданное ограничение. В таком случае и количество жертв войны 1941–1945 годов следует самым кардинальным образом ограничить, ибо погибшие непосредственно в *боях* составляют приблизительно *треть* человеческих потерь этих лет — о чем пойдет речь в дальнейшем, — в главе, посвященной великой войне. Те, кто погибли в 1918–1922 годах от голода и разрухи и, шире, от самого «состояния мира» в эти тяжкие годы, с объективной точки зрения представляют собой жертвы Революции.

* * *

К сожалению, в литературе о Революции большое место занимают чисто «*субъективистские*» толкования. Со времени известного XX съезда партии все сводили к злодейской личной воле Сталина,

а в последнее время достаточно широко распространилось аналогичное истолкование гибели людей в первые годы Революции, когда роль чудовищного злодея исполнял Ленин.

Характерный образец такого истолкования — книга Владимира Солоухина «При свете дня», изданная в 1992 году в Москве, но, как сообщается на последней ее странице, «при участии фирмы “Velka Trading Corporation” (США)». У нашего известнейшего писателя есть свои очень весомые заслуги, но все же не могу умолчать, что данная его книга отнюдь не несет в себе того «света», который обещает ее заглавие. «Методология», сконструированная в многочисленных сочинениях о Сталине, предстает здесь даже в утрированном виде. Так, «причина» коллективизации «освящена» здесь следующим образом: «Сталину, постоянно бегавшему и скрывавшемуся от полиции (до 1917 года. — В. К.), в каждом бородатом мужике чудился враг, смертельный враг, готовый всякую минуту мгновенно кинуться ему под ноги... свалить на землю, скрутить и сдать потом в полицию... И... дорвавшись до власти, Сталин именно на мужике начал вымещать, пусть с опозданием, всю свою злобу и обиды...»*. Вот, оказывается, где корни трагедии 1929–1933 годов! Но в таком случае будет логичным сделать вывод, что виноваты сами «бородатые мужики»: не сдавали бы в свое время смутьянов в полицию, и Сталин не устроил бы им коллективизацию...

Не менее «замечательно» предложенное в книге «При свете дня» объяснение гигантских жертв и бедствий первых послереволюционных лет: причина-де в том, что Россией правил «человек с больным, пораженным мозгом, а значит... и с больной психикой... с агрессивными наклонностями... По личным распоряжениям, по указаниям, приказам Ленина уничтожено несколько десятков миллионов россиян» (с. 187, 189, 190).

Началось это уничтожение, утверждает В. Солоухин, уже в первые минуты власти Ленина, — в ночь с 25 на 26 октября (7–8 ноября) 1917 года, когда по приказу вождя в Зимнем дворце арестовали министров Временного правительства и, «не мешкая ни часу, ни дня, посадили их в баржу, а баржу потопили в Неве» (с. 161–162). Дело не только в том, что перед нами непонятно откуда взявшаяся выдумка; не менее прискорбно искажение картины реального бытия

* Солоухин В. При свете дня. М., 1992, с. 79.

русских людей в революционную эпоху: потопили баржу — и дело с концом, между тем как и движение истории в целом, и судьбы отдельных людей являли собой исполненную прямо-таки невероятных поворотов и противоречий драму.

Ведь в действительности все пятнадцать арестованных в Зимнем дворце в 01.50–02.10 час. 26 октября (8 ноября) 1917 года министров Временного правительства (последнего его состава) были вскоре же освобождены, и большинство из них прожило долгую и по-своему содержательную жизнь. Так, министр исповеданий А. В. Карташев эмигрировал, был одним из наиболее выдающихся историков Православия и умер в 1960 году в Париже в возрасте 85 лет. А его коллега министр путей сообщения А. В. Ливеровский никуда не уехал, играл немалую роль в транспортных делах страны, в том числе в героическом строительстве «Дороги жизни» во время немецкой блокады Ленинграда, — города, где он и скончался уважаемым человеком в 1951 году в возрасте 84 лет.

Вообще же из пятнадцати арестованных 26 октября министров семь остались в России, а восемь эмигрировали. Живший во Франции военно-морской министр адмирал Д. Н. Вердеревский в 1945 году явился в посольство СССР, пил там за здоровье Сталина и даже успел стать гражданином СССР, хотя в 1946-м его постигла смерть (ему было 73 года). А исполнявший (в последние дни существования Временного правительства) обязанности военного министра генерал А. А. Маниковский не пожелал эмигрировать и стал — ни много ни мало — начальником снабжения Красной армии, правда, не надолго: в 1920 году он погиб в железнодорожной аварии.

Конечно, часть оставшихся в России министров не избежала репрессий, но умер насильственной смертью, насколько известно, только один из них — министр земледелия С. Л. Маслов. До 1929 года он был видным деятелем российской кооперации («Центросоюза»), а также преподавал в Московском университете и других высших учебных заведениях. В 1930-м его отправили в ссылку, в 1934-м он вернулся в Москву, но 20 июня 1938 года был расстрелян НКВД.

Словно ради некой трагической симметрии казнь постигла также и одного из эмигрировавших — министра-председателя Экономического совета С. Н. Третьякова — внука одного из создателей Галереи, С. М. Третьякова: в декабре 1943 года он был

расстрелян (согласно другим сведениям, ему отсекли голову) немецкими нацистами как виднейший тогда агент советской (!) контрразведки в Париже (он стал им еще в 1929 году — как раз в тот момент, когда в Москве его коллегу Маслова отстранили от руководящей работы в кооперации...).

Владимир Солоухин зачем-то решил мгновенно отправить на неевское дно всех: этих людей с их удивительными судьбами (я сказал о шести из пятнадцати министров, но и истории остальных достаточно яркие). Забегая вперед, отмечу, что судьбы *народных комиссаров*, сменявших в ночь на 26 октября министров Временного правительства, были гораздо более прискорбны: казнь постигла *десять* человек из пятнадцати (наркомов было столько же, сколько арестованных министров...), к тому же из пяти умерших своей смертью трое «успели» скончаться раньше, чем над новыми властителями стал падать дамоклов меч Революции.

Но об этом — впереди. Здесь же нельзя не опровергнуть еще одно совершенно ложное утверждение В. Солоухина. Он пишет, что-де «в первом составе Совета Народных Комиссаров соотношение евреев к неевреям 20:2» (с. 212). Между тем абсолютно точно известно*, что в этом «первом составе» (утвержденном 26 октября) из 15 наркомов евреем был только один — Л. Д. Бронштейн (Троцкий), — если не считать «еврейских корней» Ленина (евреем был его дед по материнской линии Бланк). Сравнительно небольшой оставалась доля евреев и в последующих составах Совнаркома — вплоть до середины 1930-х годов, когда около половины наркомов (но все же не девять десятых, как уверяет В. Солоухин) были евреями, — в том числе наиболее важные наркомы внутренних и иностранных дел, путей сообщения, внешней торговли, оборонной промышленности и т. д.

Это вообще непростая и по-своему чрезвычайно интересная тема, к которой мы еще специально обратимся. Что же касается «информации», предлагаемой в книге «При свете дня», остается только руками развести — откуда такое берется?!

Как ни прискорбно, подобные вещи встречаются на многих страницах книги Владимира Солоухина, хотя несправедливо было бы

* См., например, в энциклопедии «Великая Октябрьская Социалистическая Революция» (М., 1987, с. 381) репродукцию подлинного документа — декрета Второго Всероссийского Съезда Советов об образовании правительства.

умолчать, что то же самое характерно едва ли не для большинства нынешних сочинений о 1920–1930-х годах. Владимир Солоухин утверждает, что в 1918 году Ленин «бросил крылатую фразу: пусть 90% русского народа погибнет, лишь бы 10% дожили до мировой революции. Тогда-то заместитель Дзержинского Лацис⁴³ (на деле — пред. ЧК 5-й армии. — В. К.)... опубликовал в газете «Красный террор» 1 ноября 1918 года своеобразную инструкцию всем своим подчиненным: «...Мы истребляем буржуазию как класс... Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти»...» (с. 145–146).

Но, во-первых, сия «крылатая фраза» принадлежит не Ленину, а Г. Е. Зиновьеву, который к тому же говорил все-таки о гибели 10, а не 90% (об этом еще пойдет речь), а во-вторых, ознакомившись с тем самым журналом (а не газетой) «Красный террор», Ленин тут же не без резкости заявил: «...вовсе не обязательно договариваться до таких *нелепостей*, которую написал в своем казанском журнале “Красный террор” товарищ Лацис... на стр. 2 в № 1: “не ищите (!!?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом...”» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 310).

Вообще нетрудно доказать, что Ленин как человек, стоявший во главе всего, вел себя «умереннее» многих деятелей того времени, и не раз стремился занять «центристскую» позицию, — хотя Владимир Солоухин голословно утверждает обратное. Доказательства ленинской «умеренности» еще будут приведены, а пока скажу о самом существенном.

В книге «При свете дня» многократно повторяется, что, мол, «болезнь мозга... в зрелом возрасте Владимира Ильича развила в нем чудовищную, бешеную, не знающую никаких преград агрессивность. Если бы больной сидел дома под присмотром родных — это одна картина. Но он волею судеб сделался диктатором над сотнями миллионов людей. И полились реки крови...» (с. 50), притом диктатор «сидел в Кремле, защищенный... высокими зубчатыми стенами» (с. 78), и потому, мол, злодействовал без всякого риска.

Вот такое «толкование» истории... При этом как бы полностью исчезает бушевавшая в России в 1917–1922 годы *Революция*, о которой Сергей Есенин⁴⁴ сказал в 1924 году:

Тот ураган прошел.
Нас мало уцелело...

Тот ураган был небезопасен и для самого Ленина. Широко известно только одно покушение на его жизнь — 30 августа 1918 года. Но еще 1 (14) января этого года автомобиль, в котором Ленин ехал по центру Петрограда, был обстрелян залпом из нескольких винтовок, и лишь находчивость сидевшего рядом соратника спасла вождя: рука, которой спаситель мгновенно пригнул голову Ленина, была задета пулей... Через четыре дня, 5 (18) января, Ленин отправился разгонять Учредительное собрание, и ему, ввиду опасности, вручили револьвер, который был тут же у него украден и возвращен лишь на следующий день после настойчивых розысков. Далее, 10 марта в обстановке строжайшей секретности Ленин переезжает — в сущности бежит, — из опасного Петрограда в Москву, и ему преграждает путь эшелон, переполненный анархически настроенными матросами; положение спасает сопровождающий беглецов вышколенный батальон латышских стрелков, без которых Ленин вообще едва ли уцелел бы в 1918–1919 годах.

9 июля 1918 года автомобиль Ленина был обстрелян из револьверов у Николаевского (позднее Октябрьского) вокзала в Москве. 30 августа его — что общеизвестно — тяжело ранили. А 19 января 1919 года его автомобиль около Сокольников остановил знаменитый тогда, пользуясь нынешним словечком, «авторитет» Кошельков: предсовнаркома Ленин был вышвырнут (буквально) из своей машины, у него отняли бумажник и револьвер, а машину угнали, и т. д.

Все это показывает, в какой стране, в каком мире правил диктатор... И я обратился к вышеизложенным фактам отнюдь не для того, чтобы вызвать «сочувствие» к Ленину и тем более как-то «оправдывать» его действия; цель моя только в воссоздании истинного положения в послереволюционной России. Ураган, бушевавший в стране, был настолько всепроникающим, что и всевластный, казалось бы, диктатор не мог избежать его смертоносного натиска.

Атмосфера революции создавала достаточно напряженное положение и *внутри* самой власти. Хорошо известно, что любое существенное «решение» Ленина в 1917–1921 годах резко оспаривалось многими его соратниками, и ему приходилось вести нелегкую борьбу. Когда же в 1922 году его ослабила тяжелая болезнь, он не раз «проигрывал».

Владимир Солоухин возмущенно говорит в своей книге, что в составе высшей революционной власти, которая объявила себя

властью «рабочих и крестьян», «один только был экс-рабочий — М. И. Калинин⁴⁵, да и то его держали для вывески» (с. 81). Это действительно так, но В. Солоухин умалчивает (или же не знает), что в 1922 — начале 1923 года именно Ленин пытался кардинально изменить положение дел. В его последних сочинениях, известных под названием «Завещание», *главная*, стержневая мысль — мысль о необходимости безотлагательно передать верховную власть «рабочим и крестьянам, поставив их во главе нашей партии» (т. 45, с. 345); притом Ленин подчеркивал, что это должны быть рабочие и крестьяне, «стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет» (с. 348).

Когда говорят о «завещании» Ленина, как правило, сосредоточивают все внимание на содержащейся в нем «сенсационной» критике главных «вождей», — особенно Сталина. Однако Ленин *начал свое* «завещание» заявлением о необходимости «предпринять... ряд перемен в нашем *политическом строе* (а не перемен в личном составе руководства. — В. К.)... В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни» (с. 343); в ЦК тогда числилось 27 человек, и Ленин далее объявил, что в новый орган высшей власти следует «выбрать 75–100... новых членов... из рабочих и крестьян» (с. 384), которые, следовательно, должны были занять три четверти (!) мест в этом всевластном органе.

И вот что поистине примечательно: «опасный» и потому засекреченный элемент ленинского «завещания» обычно усматривают в критике «вождей», а ведь в основе своей эта критика стала общеизвестной из ряда публикаций уже в 1927 году. Между тем важнейшие суждения Ленина о необходимости «передачи» власти из рук профессиональных революционеров в руки рабочих и крестьян были опубликованы только в 1956 году! Правда, в 1923 году появилась в печати ленинская статья «Как нам реорганизовать Рабкрин», но, во-первых, ее публикация поначалу вызвала решительное сопротивление всей партийной верхушки (собирались даже напечатать *единственный* спецэкземпляр «Правды» с этой статьей для успокоения Ленина), во-вторых, в этой статье главная мысль Ленина не выступала с такой ясностью, как в других его тогдашних текстах, и, наконец, сразу же после опубликования статьи в парторганизации было разослано письмо Политбюро и Оргбюро ЦК, в котором ленинская статья, по сути дела, дискредитировалась

как полубред тяжелобольного человека (обо всем этом я подробно писал в другой книге)*.

Но важнее всего, конечно, тот факт, что настоятельное предложение Ленина ни в коей мере не было реализовано, хотя он видел в нем «шаг государственной важности» (с. 483). Вообще, как уже сказано, с самого начала тяжелой болезни Ленина его власть стали все более урезывать. Сохранились, к примеру, тексты записок, которыми 27 сентября 1922 года обменялись члены Политбюро Каменев и Сталин в связи с обсуждением одного из ленинских решений: «Каменев: Ильич собрался на войну... Отказывается даже от вчерашних поправок... Сталин: Нужна, по-моему, твердость против Ильича»**.

Дошли до нас и слова, сказанные позднее Н. К. Крупской: «Если б Володя был жив, он сидел бы сейчас в тюрьме»***. И это, по всей вероятности, было не совсем безосновательным предположением... Подчеркну еще раз, что, излагая факты, я не оцениваю (по крайней мере, пока не оцениваю) их, не ставлю вопроса о «правоте» или «неправоте» какого-либо деятеля; речь идет только о характеристике реального положения в революционной России — положения, которое определяло судьбу и рядовых граждан, и самого Ленина.

И когда речь заходит о гибели «десятков миллионов» (на деле — 17 млн, необходимо иметь в виду всеохватывающий и всесокрушающий «ураган» Революции, а не «агрессивную психику» Ленина или кого-либо еще. <...>

Принято считать, что Сталин отказывался от жестоких решений только ради «игры». Допустим даже, что это так. Допустим и то, что тройка «правых» также проголосовала за расстрел ради «игры» — «в пику Сталину». Но это-то и обнаруживает с особенной наглядностью суть сознания и поведения руководителей революционной эпохи: они, не дрогнув, готовы расстрелять кого угодно и ради чего угодно... Когда 25 августа 1936 года были казнены Зиновьев и Каменев, Бухарин написал об этих людях, с которыми была теснейшим образом связана вся его жизнь: «Что расстреляли собак — страшно рад»****.

* Кожин В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М., 1990, с. 15–20.

** Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988, с. 238.

*** Троицкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991, с. 357.

**** «Военно-исторический журнал», 1989, № 2, с. 71.

Могут сказать, что эти слова вызваны стремлением «отмежеваться» от «врагов народа». Но в чрезмерной резкости проступает привычная для Бухарина готовность без каких-либо треволнений «голоснуть» (по его словечку!) за убийство людей.

И это не «личная» черта, а типовой признак всех вождей революции, — то есть черта *историческая*, которую бессмысленно специально выискивать в Сталине или Ленине и пытаться «не замечать» в том же Бухарине...

Власть и народ после Октября

Эта глава во многом основывается на выводах *первого* тома моего сочинения. Так, там доказывалось, что государство в России в течение веков имело *идеократический* характер, то есть власть основывалась не на системе законов, как на Западе, а на определенной системе идей. Ко времени Революции властвующая идея так или иначе выражалась в известной формуле «православие, самодержавие, народность», которая еще сохраняла свое значение для людей, отправлявшихся в 1914 году на фронт. Но Февральский переворот «отделил» Церковь от государства, уничтожил самодержавие и выдвинул в качестве образца западноевропейские (а не российские) формы общественного бытия, где властвует не идея, а закон.

И (о чем также шла речь ранее) победа Октября над Временным правительством и над возглавляемой «людьми Февраля» Белой армией была неизбежна, в частности, потому, что большевики создавали именно идеократическую государственность, и это в конечном счете соответствовало тысячелетнему историческому пути России. Ясно, что большевики вначале и не помышляли о подобном «соответствии», и что их «властвующая идея» не имела ничего общего с предшествующей. И для сторонников прежнего порядка была, разумеется, абсолютно неприемлема «замена» Православия верой в Коммунизм, самодержавия — диктатурой ЦК и ВЧК, народности, которая (как осознавали наиболее глубокие идеологи) включала в себя дух «*всечеловечности*», — интернационализмом, то есть чем-то пребывающим *между* (интер) нациями. Однако «идеократизм» большевиков все же являл собой, так сказать, менее *утопическую* программу, чем проект героев Февраля, предполагавший

переделку России — то есть и самого русского *народа* — по западноевропейскому образцу.

Этому, казалось бы, решительно противоречит тот факт, что большевистская власть столкнулась (о чем ныне становится все более широко известно) с мощным и долгим сопротивлением вовсе не только со стороны Белой армии, но и с сопротивлением самого народа, притом не только пассивным, так или иначе «саботирующим» мероприятия власти, но и с разгоравшимися то и дело бунтами и даже с охватывающими огромные пространства восстаниями. И большевики не раз открыто признавали, что это сопротивление гораздо более опасно для их власти, нежели действия Белой армии.

Однако объективное изучение хода событий 1918–1921 годов убеждает, что народ сопротивлялся тогда не столько конкретной «программе» большевиков, сколько *власти* как таковой, *любой* власти. После крушения в феврале 1917 года многовековой государственности все и всякие требования новых властей (будь то власть красных, белых или даже так называемых *зеленых*) воспринимались как ничем не оправданное и нестерпимое насилие. В народе после Февраля возобладало всегда жившее в глубинах его сознания (и широко и ярко воплотившееся в русском фольклоре) стремление к ничем не ограниченной *воле*. Так, обе основные — и неизбежные — государственные «повинности» — подати и воинская служба, которые ранее представляли как, конечно, тягостная, но неотменимая, «естественная» реальность бытия (сопротивление вызывало только то, что воспринималось в качестве несправедливого, не соответствующего установленному порядку), — теперь нередко отвергались начисто и порождали ожесточенные бунты.

<...>

Какова была роль евреев в послереволюционной России?

Итак, вопрос, с давних пор возбуждающий острейшие споры и порождающий самые разные, нередко прямо противоположные ответы. Я ставлю перед собой задачу осветить его как можно более объективно, беспристрастно и всесторонне. При этом необходимо предупредить читателей, что ответом на сей сложный вопрос

явится только вся эта глава в ее целостности: сосредоточение внимания на каких-либо *отдельных* ее частях и сторонах неизбежно приведет к искажению самой сути дела.

...Полярность ответов на поставленный вопрос особенно очевидна в наше время: одни утверждают, что в октябре 1917 года в России устанавливается чисто «еврейская власть», что большевики того времени — это либо евреи, либо послушные исполнители их воли, а другие, напротив, что большевистская власть была враждебна евреям, что к власти в Октябре пришли люди, которых уместно даже назвать «черносотенцами»...

<...>

* * *

Итак, для евреев-большевиков была характерна изначальная отчужденность от русской жизни, и это, вполне понятно, не могло не сказаться на их отношении — в том числе собственно «практическом» отношении — к русскому бытию и сознанию. И естественно вспоминаются лермонтовские строки:

Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы:
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

Вместе с тем нельзя не напомнить соображения, высказанные в заключительной части предшествующей главы этого сочинения. Как убеждает изучение истории, в периоды «смуты» закономерно или даже неизбежно появление на политической авансцене любой страны «чужаков»; острейшее, неразрешимое столкновение различных сил *внутри нации* как бы настоятельно требует «чужого» вмешательства. И проклятья по адресу ничего не щадивших чужаков вполне естественны, но такие проклятья ни в коей мере не приближают нас к пониманию хода истории. Впрочем, эта нелегкая тема будет подробно освещена в дальнейшем; сейчас следует остановиться на другом вопросе.

При уяснении роли евреев в большевизме часто утверждают, что их было все же весьма немного, и, следовательно, они, мол,

не могли в большой мере определять жизнь страны. Скажем, американский «русолог» Уолтер Лакер, даже признав, что «евреи составляли высокий процент большевистского руководства», тут же пытается посеять сомнение относительно этого факта: «Однако из пятнадцати членов первого Советского правительства тринадцать были русские, один грузин и один еврей»*. Это действительно так (хотя для точности отмечу, что нарком продовольствия в первом правительстве И. А. Теодорович⁴⁶ — не русский, а поляк, к тому же выросший, согласно его собственному рассказу, в националистически и антирусски настроенной семье). Однако *правительство* имело тогда в иерархии власти в прямом смысле слова *третьестепенное* значение (так, даже в справочных сведениях о власти *сначала* указывался ЦК с его Политбюро, затем ВЦИК Советов и лишь на третьем месте — Совнарком).

Немаловажен и тот факт, что в предшествовавшем Советскому Временному правительстве из 29 человек, побывавших на постах министров, 28 были русские, 1 — грузин (меньшевик И. Г. Церетели⁴⁷) и *ни одного* еврея, — хотя во главе тех партий, чьи представители становились тогда министрами, евреев было немало. Но, например, один из главных эсеровских лидеров, А. Р. Гоц, которому предлагали войти во Временное правительство, «и слышать не хотел вообще ни о каком министерском poste; свой отказ он мотивировал еврейским происхождением»**.

Точно так же — возможно, не без «подражания» А. Р. Гоцу⁴⁸ — способный к предвидению Троцкий настаивал, что «в первом революционном правительстве не должно быть ни одного еврея, поскольку в противном случае реакционная пропаганда станет изображать Октябрьскую революцию “еврейской революцией”...»***. Комментируя эту «позицию» Троцкого, его нынешний горячий поклонник В. З. Роговин стремится, в частности, убедить читателей в том, что Лев Давидович был-де лишен властолюбия, имел твердое намерение «после переворота остаться вне правительства и... согласился занять правительственные посты лишь по настойчивому требованию ЦК» (там же, с. 92–93).

* *Laquer Walter*. Stalin. The Glasnost Revelations. N. J., 1990, p. 252.

** Цит. по кн.: Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993, с. 85.

*** *Роговин В.* Троцкий об антисемитизме, с. 92.

Но эти рассуждения рассчитаны на совершенно простодушных людей, ибо ведь Троцкий *никогда не отказывался* от членства в ЦК и Политбюро, а член Политбюро стоял в иерархии власти несоизмеримо выше, чем любой нарком! И Троцкий, кстати сказать, не скрывал своего крайнего негодования, когда его в 1926 году «освободили от обязанностей члена Политбюро»...

Забегая вперед, стоит отметить, что отсутствие евреев *после 1926 года* в Политбюро (кроме одного лишь введенного в его состав в 1930 году Л. М. Кагановича⁴⁹) объяснялось вовсе не «анти-семитизмом» (хотя многие толкуют это именно так), а как раз напротив, стремлением не пробуждать в стране противоеврейские настроения, поскольку в середине 1920-х годов всем стало ясно, что верховная власть сосредоточена отнюдь не в правительстве, не в Совнаркоме, а в Политбюро. В высшей степени характерно, что если в 1920-х годах в составе *правительства* — особенно во главе ведущих наркоматов — было не так уж много евреев, то в 1930-х дело обстояло обратным образом: наркомом внутренних дел стал Ягода, иностранных — Литвинов-Баллах, внешней торговли — Розенгольц, путей сообщения — Рухимович, земледелия — Яковлев-Эпштейн, председателем правления Госбанка — Калманович и т. д. К этому времени, повторяю, все понимали, что высшей властью в стране является не Совнарком, а Политбюро, которому всецело подчинены эти наркомы-евреи. Иначе обстояло дело в первые послереволюционные годы. Так, в сентябре 1922 года встал вопрос о введении поста «первого заместителя председателя Совнаркома», который в периоды обострения болезни Ленина должен был автоматически заменять его. На этот пост прочили Троцкого, но он, по его же признанию, «решительно отказался... чтобы не подать нашим врагам повода утверждать, что страной правят еврей»*. Между тем впоследствии, в 1930–1940-х годах, заместителями председателя Совнаркома назначались — кроме пресловутого Кагановича — Землячка-Залкинд и Мехлис, но на этом основании не могло возникнуть представление, что евреи правят страной; ведь этих деятелей (в отличие от членов Политбюро, даже портреты которых приобрели всеобщее «ритуальное» значение) и знали-то не столь уж широкие слои населения СССР.

* Там же, с. 94.

Впрочем, есть еще и иная сторона проблемы. Троцкий, как мы видим, отказался от поста первого заместителя Предсовнаркома, дабы, мол, нельзя было утверждать, что «страной правит еврей». Однако лучший современный исследователь жизненного пути Троцкого, Н. А. Васецкий, недавно показал, что Лев Давидович отнюдь не возражал, когда ему однажды — пусть ненадолго — представилась возможность действительно «править страной» (а не быть «заместителем»).

30 августа 1918 года Ленин, как всем известно, был тяжело ранен, но «в литературе, — отметил Н. А. Васецкий, — как-то упускается из виду один факт... Свердлов телеграммой срочно вызвал в Москву с Восточного фронта Троцкого. 2 сентября ВЦИК объявил страну на положении военного лагеря. Чуть позже он же по предложению Свердлова утвердил наркомвоенмора Троцкого председателем Реввоенсовета (РВС) Республики, — пост гораздо более емкий, чем у председателя Совнаркома, которым был Ленин. Эти расхождения Ленин устранил потом в ноябре 1918 года созданием Совета Труда и Оборона (СТО) республики, в который введет РВС, подчинив его СТО»*.

В этот текст Н. А. Васецкого вкралась, правда, неточность. 30 ноября 1918 года Ленин добился создания нового «чрезвычайного высшего органа власти — “Совета рабочей и крестьянской обороны”, а в “Совет труда и обороны” этот орган был преобразован только в апреле 1920 года, когда он, кстати сказать, уже не играл столь важной роли**.

Но неожиданное создание оправившимся от ранения Лениным новой «структуры», которая, в сущности, лишала возглавленный 6 сентября Троцким РВС верховной власти, весьма впечатляет; Ленин тогда ловко «переиграл» Троцкого. Вместе с тем становится ясно, что Троцкий отказывался от тех или иных постов не только (или даже не столько) из-за своего «еврейства», но и из-за нежелания быть не «первой скрипкой»... Н. А. Васецкий напоминает очень выразительное признание Троцкого:

«Ленину нужны были послушные практические помощники. Для такой роли я не годился»***.

* *Васецкий Н.* Взгляд со стороны // *Вождь. Ленин, которого мы не знали.* Саратов, 1992, с. 279.

** См.: *Трайнин И. П.* СССР и национальная проблема. М., 1924, с. 26.

*** *Большая Советская Энциклопедия.* Третье издание, т. 24, книга 1. М., 1976, с. 18.

Как уже говорилось, многие нынешние публицисты пытаются всячески преуменьшить роль евреев в тогдашней власти. Для этого, в частности, используется статистика. Известно, что в 1922 году, к XI съезду, в большевистской партии, насчитывавшей 375901 человек, евреев было всего лишь 19564 человека, то есть немногим более 5 процентов... * Какое уж тут «еврейское засилье»! Однако совсем другое обнаруживается при обращении к более высоким уровням «пирамиды» власти: так, среди *делегатов* съезда партии евреев было уже не 5%, то есть один из 20, а один из шести, в составе избранного на съезде ЦК — более четверти членов, а из пяти членов Политбюро ЦК евреями были трое — то есть три пятых!

Впрочем, уже отмечалось, что даже эти цифры не вполне раскрывают положение вещей, ибо руководители еврейского происхождения чаще всего играли более важную роль, чем занимавшие *те же* самые «этажи» власти русские, которых нередко выдвигали на первый план, в сущности, ради «прикрытия» (как мы видели, Троцкий не раз призывал не выдвигать на первый план евреев). В связи с этим уместно сослаться на свидетельства двух сторонних наблюдателей.

Доктор богословия А. Саймонс из США жил во время революции в Петрограде, являясь настоятелем местной епископальной церкви. Он заявил в 1919 году: «...многие из нас были удивлены тем, что еврейские элементы с самого начала играли такую крупную роль в русских делах... Я не хочу ничего говорить против евреев как таковых. Я не сочувствую антисемитскому движению... Я против него. Но я твердо убежден, что эта революция... имеет ярко выраженный еврейский характер. До того времени... существовало ограничение права жительства евреев в Петрограде; но после революции (имеется в виду Февраль. — В. К.) они слетелись целыми стаями... в декабре 1918 г. в так называемой Северной Коммуне (так они называют ту секцию советского режима, председателем которой состоит мистер Апфельбаум) (т. е. Зиновьев. — В. К.), из 388 членов только 16 являются русскими» **. А Саймонс явно «недоволен» этим «еврейским засильем», и, хотя он уверяет, что он — не «антисемит», его заявление все же могут считать тенден-

* *Васецкий Н. А.* Троцкий..., с. 160.

** См.: Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. М., 1990, с. 12–15.

циозным. Но вот суждения другого иностранца — знаменитого писателя Герберта Уэллса, посетившего Россию в 1920 году. Он писал о главной «силе» революции, о множестве «энергичных, полных энтузиазма, еще молодых (так, Троцкому к 1917 году было 37 лет. — В. К.) людей, утративших... русскую непрактичность и научившихся доводить дело до конца (очень многозначительная характеристика! — В. К.)... Эти молодые люди и составляют движущую силу большевизма. Многие из них — евреи... но очень мало кто из них настроен националистически. Они борются не за интересы еврейства, а за новый мир... Некоторые (вот именно: всего лишь некоторые! — В. К.) из самых видных большевиков, с которыми я встречался, вовсе не евреи... У Ленина... татарский тип лица, и он, безусловно, не еврей»* (о «происхождении» Ленина еще пойдет речь).

В отличие от Саймонса, Уэллс ни в коей мере не может быть заподозрен в «антисемитизме», ибо ведь он всецело одобряет деятельность евреев-большевиков. И тот факт, что столь разные по своим взглядам иностранные наблюдатели согласно говорили о господствующей роли евреев в послеоктябрьской власти, придает их одинаковому «диагнозу» особенную весомость.

Известный сионистский деятель М. С. Агурский, не боявшийся острых проблем, писал в своем содержательном сочинении «Идеология национал-большевизма», что в 1920-х годах установился взгляд «на советскую власть как на власть с еврейским доминированием», и «советское руководство... должно было постоянно изыскивать средства, дабы... убеждать внешний мир, что дело обстоит как раз наоборот. Это было нелегко, особенно в 1923 г., когда в первой четверке советского руководства не оказалось ни одного русского. Оно состояло из трех евреев и одного грузина...»**.

М. С. Агурский, говоря о «первой четверке», имел в виду, что пятый член тогдашнего Политбюро, Ленин, к 1923 году в силу болезни уже не мог исполнять свои обязанности. Но на деле Ленин надолго вышел из строя еще в конце 1921 года и, покинув Москву, впервые появился публично лишь 6 марта 1922 года. В своем выступлении в этот день он сказал о болезни, «которая несколько месяцев не дает мне возможности непосредственно участвовать

* Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958, с. 43.

** Агурский М. Идеология национал-большевизма. Paris, 1980, с. 195.

в политических делах и вовсе не позволяет мне исполнять советскую должность, на которую я поставлен» * (Ленин даже зачеркивал тогда свой титул «Председатель Совнаркома», когда ему приходилось набрасывать записки на имевшихся под рукой официальных бланках...).

Словом, «первая четверка», о которой говорится в книге М. С. Агурского, правила страной в 1922-м, а не в 1923 году; последняя дата неверна потому, что Политбюро, «изыскивая средства» (как сформулировал Агурский) для опровержения тех, кто указывал на «еврейское доминирование», как-то неожиданно 3 апреля 1922 года приняло в свой состав двух русских — А. И. Рыкова и М. П. Томского (Ефремова)**, которые ранее даже не были кандидатами в члены Политбюро. Возможно, это было сделано по инициативе Троцкого, а не Ленина, ибо имеется свидетельство, что «после первых же заседаний Политбюро с участием двух новых его членов Ленин заметил: “Ну вот, и представительство от комобывателей (т. е. коммунистических обывателей. — В. К.) есть теперь в нашем Политбюро”»***. Показательно, что в своем «завещании» — «Письме к съезду» от 24 декабря 1922 года — Ленин охарактеризовал всех четырех *нерусских* членов Политбюро (в таком порядке: Сталин, Троцкий, Зиновьев, Каменев), но вообще не упомянул ни Рыкова, ни Томского. Тем не менее именно Рыков после смерти Ленина стал главой правительства — без сомнения, именно как русский и к тому же сын крестьянина (поскольку тогда еще многим казалось, что страной правит Совнарком). Но роль Рыкова и других занимавших высокие посты русских в определении основ политического курса страны едва ли имела решающий характер.

Впрочем, несмотря на вполне определенные сведения о «пропорциях» на высших этажах власти, утверждения о «еврейском засилье» в послереволюционной России и ранее, и ныне многие стремятся квалифицировать как «антисемитские» выдумки. В связи с этим целесообразно еще раз сослаться на суждения людей, которых никак нельзя заподозрить в «антисемитизме».

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Издание пятое, т. 45. М., 1982, с. 6.

** В новейшей литературе имеется и более поздняя датировка введения в Политбюро этих двух членов ЦК (1923 год), но дата, указанная в изданном еще в 1927 году биографическом словаре, представляется более верной.

*** Зимин А. У истоков сталинизма. 1918–1923. Paris, 1984, с. 340.

Знаменитейший в начале века адвокат и литератор Н. П. Карабчевский, который был настоящим кумиром российского еврейства (он, в частности, блистательно вел защиту в ходе известного «дела Бейлиса»), в 1921 году издал в Берлине свои мемуары «Что глаза мои видели», где определил тогдашнее положение в России как «еврейскую революцию»*.

Чрезвычайно характерны послереволюционные дневники не ушедшего в эмиграцию В. Г. Короленко, — писателя, который даже в большей степени, чем Карабчевский, был до 1917 года объектом еврейского поклонения. Тут особенно уместно непосредственно сопоставить *дореволюционную* и позднейшую «позиции» прославленного писателя. В свое время, услышав чью-то фразу: «— Я человек русский и не могу выносить этой еврейской наглости», — Короленко категорически возразил: «...никакой “еврейской наглости” нет и не может быть, как нет и не может быть “еврейской эксплуатации”, потому что невоспитанных, да и подлых, людей хватает в любом народе»**.

Однако тот же Короленко записал 8 марта 1919 года в своем дневнике, как бы опровергая самого себя: «...среди большевиков — много евреев и евреек. И черта их — крайняя бестактность и самоуверенность, которая кидается в глаза и раздражает. *Наглости* много и у неевреев. Но она особенно кидается в глаза в этом национальном облике»***. Кто-нибудь, вполне возможно, придет к выводу, что в Короленко, так сказать, пробудился ранее дремавший в нем «антисемитизм», и он начал обличать специфически «еврейскую» наглость, то есть предъявлять обвинение евреям вообще, евреям как таковым. Но это вовсе не так. Владимир Галактионович заметил только, что в еврейском «облике» наглость «особенно кидается в глаза».

И утверждение это следует, очевидно, понять в том смысле, что наглость в русском «облике» привычна и потому не очень заметна, а та же наглость в «чужом», «ином» облике воспринимается гораздо острее.

В дневниковой записи Короленко действительно существенно другое: констатация очень внушительного участия евреев

* *Карабчевский И.* Что глаза мои видели. Берлин, 1921, книга 2, с. 10.

** См.: *Резник С.* Кровавая карусель. М., 1991, с. 126.

*** *Негретов П. И.* В. Г. Короленко. Летопись жизни и деятельности. 1917–1921. М., 1990, с. 97.

в большевистской власти, которая — о чем многократно говорил писатель — была гораздо более насильственной и жестокой, чем дореволюционная власть (постоянно и беспощадно осуждавшаяся ранее и самим Короленко, и многочисленными еврейскими авторами). Писателя, в частности, возмущали факты, свидетельствующие о заведомой «привилегированности» евреев при новой власти. Он описывает (25 мая 1919 года) сцену в «жилищном отделе» Совета:

«...какой-то “товарищ” требует реквизировать комнату для одной коммунистки. Тут же хозяин квартиры и претендентка-коммунистка. Это старая еврейка совершенно ветхозаветного вида, даже в парике». И она «всем своим видом старается подтвердить свою принадлежность к партии... “Коммунистка” водворяется революционным путем в чужую квартиру и семью... Для русского теперь нет неприкосновенности своего очага... Притом... то и дело меняют квартиры. Загадят одну — берут другую» (с. 108).

Еще раз подчеркну, что перед нами свидетельства писателя, которого никому не удастся обвинить в пресловутом «антисемитизме». Дело идет о всецело *объективной* характеристике тогдашней ситуации. Вот Короленко заходит в помещение ЧК, чтобы попытаться помочь арестованным соотечественникам: «Это популярное теперь среди родственников арестованных имя: “товарищ Роза” — следователь. Это молодая девушка, еврейка... Недурна собой, только не совсем приятное выражение губ. На поясе у нее револьвер в кобуре*. Спускаясь по лестнице, встречаю целый хвост посетительниц. Они поднимаются к “товарищу Розе” за пропусками на свидание. Среди них узнаю и крестьянок, идущих к мужьям-хлеборобам, и “дам”. Товарищ Роза... на упрек Прасковьи Семеновны (сестра супруги Короленко. — В. К.), что она запугивает допрашиваемых расстрелом, отвечает в простоте сердечной: “А если они не признаются?..”» (с. 108, 109).

Повторю еще раз: В. Г. Короленко ни в коей мере не был «антисемитом»; характерна его озабоченность следующим (запись 13 мая 1919 года): «Мелькание еврейских физиономий среди большевистских деятелей (особенно в чрезвычайке) разжигает традиционные и очень живучие юдофобские инстинкты» (с. 106). Поистине замечательно, что почти одновременно об этом же го-

* Ну прямо как в популярной еще не так давно песенке Б. Окуджавы.

ворит и Троцкий на заседании Политбюро (18 апреля 1919 года): «...огромный процент работников прифронтовых ЧК... составляют латыши и евреи... и среди красноармейцев (даже! — В. К.) ведется и находит некоторый отклик сильная шовинистическая агитация»*.

Приведу еще фрагмент из недавно впервые изданных воспоминаний российского дипломата Г. Н. Михайловского — человека, которого опять-таки абсолютно нельзя заподозрить в «антисемитизме», ибо он сформировался в той среде, где высшим моральным авторитетом были люди типа Короленко (Георгий Николаевич — сын Николая Георгиевича Михайловского, писателя, вошедшего в русскую литературу под именем «Гарин» — автора четырехтомного автобиографического повествования, открывающегося всем известным «Детством Темы», а также замечательной, — к сожалению, гораздо менее известной — очерковой книги «Несколько лет в деревне»). Во время гражданской войны Г. Н. Михайловский много скитался по России и не раз имел дело с ЧК. Он рассказывает, в частности, как в 1919 году еврейка-чекистка «с откровенностью объяснила, почему все чрезвычайки находятся в руках евреев: “Эти русские — мягкотелые славяне и постоянно говорят о прекращении террора и чрезвычайек, — говорила она мне... — Мы, евреи, не даем пощады и знаем: как только прекратится террор, от коммунизма и коммунистов никакого следа не останется...” Так с государственностью Дантона рассуждала провинциальная еврейка-чекистка, отдавая себе полный отчет о том, на чем именно держится успех большевиков. При всем моральном отвращении... — заключил Г. Н. Михайловский, — я не мог с ней не согласиться, что не только русские девушки, но и русские мужчины-военные не смогли бы сравниться с нею в ее кровавом ремесле»**.

Выше уже упоминался нынешний страстный приверженец Троцкого, В. З. Роговин, который, в частности, стремится представить своего кумира человеком, якобы не желавшим власти, пытавшимся (хотя, мол, и тщетно) отказываться от навязываемых ему ЦК и Политбюро высоких постов. И Роговин даже упрекает

* Цит. по кн.: *Васецкий Н. А. Троцкий...*, с. 122.

** *Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993, книга 2, с. 176–177.*

послереволюционную власть за недостаточное внимание к призывам Троцкого. Он пишет, например, что «после Октябрьской революции, большевики, как мне представляется, недооценили силу и глубину антисемитских настроений... Поэтому они не проявили достаточной осторожности при выдвижении евреев, как и других “инородцев”, на руководящие посты, невольно открывая тем самым возможность своим противникам играть на чувствительных национальных струнах масс»*.

Но это рассуждение в сущности абсурдно, ибо для реализации «программы», предлагаемой Роговиным, необходимо было, например, чтобы сам Троцкий (а также Зиновьев и Каменев) покинул состоявшее в 1919-м — начале 1922 года из пяти верховных властителей Политбюро!.. И, между прочим, Троцкий однажды, по сути дела, «проговорился» об истинном смысле своих неоднократных отказов от руководящих постов (например, главы НКВД):

«Если в 1917 г. и позже, — писал он, — я выдвигал иногда свое еврейство как довод против тех или других назначений, то исключительно по соображениям политического расчета»**.

* * *

Этот «*политический расчет*» Троцкого — очень существенная и весьма интересная тема, на которой необходимо остановиться подробнее. Как ни неожиданно для многих это прозвучит, Троцкий в 1918–1926 годах *более, чем кто-либо* из тогдашних «вождей» стремился доказывать, что Октябрьская революция имеет *национальный, русский* характер и смысл.

В этом он, в частности, кардинально отличался от русского по происхождению «вождя» — Н. И. Бухарина. 23 апреля 1920 года в «Правде» были опубликованы статьи Бухарина и Троцкого, посвященные 50-летию юбилею Ленина. В бухаринской статье все сводилось к тому, что «Ленин, как никто более, воплотил... существо революционного марксизма», что он — «живое воплощение теоретического и практического разума рабочего класса»,

* Роговин В. Троцкий об антисемитизме... с. 92.

** Троцкий Л. Моя жизнь, с. 324.

добивающегося «мировой победы» * и т. д. Совершенно иную сторону дела выдвинул на первый план в своей опубликованной в том же номере газеты статье Троцкий. Бегло отметив, что «интернационализм Ленина не нуждается в рекомендации», Лев Давидович провозгласил: «Ленин глубоко национален. Он корнями уходит в новую русскую историю, собирает ее в себе, дает ей высшее выражение...» В частности, у Ленина, по словам Троцкого, «не только мужицкая внешность, но и крепкая мужицкая подоплека». И именно *национальным* содержанием личности Ленина объясняет Троцкий его главенствующую роль: «Для того, чтобы руководить таким небывалым в истории народов переворотом, какой переживает Россия, нужна, очевидно, неразрывная, органическая связь с основными силами народной жизни — связь, идущая от глубочайших корней» **.

Итак, для Бухарина Ленин — «воплощение» марксизма и «разума» всемирного пролетариата, а для Троцкого — «высшее выражение» истории России с ее «глубочайшими корнями». Своего рода противостояние Троцкого и Бухарина в «русском вопросе» резко выявилось позднее в их оценке творчества Есенина. 20 января 1926 года Троцкий опубликовал в «Известиях» весьма сочувственную статью «Памяти Сергея Есенина», между тем Бухарин, выждав год после гибели поэта, обрушился на него на страницах «Правды» (12 января 1927 года, статья «Злые заметки») с беспрецедентными поношениями...

Но обратимся к «национальному» в Ленине. Ныне и более или менее точно установлено, и достаточно широко известно, что Ленин был человеком предельно «сложного» — русско-монгольско (конкретно — калмыцкого) — германско (немецкого и шведского) — еврейского — происхождения.

Однако для России с ее «евразийским размахом» такое этническое сплетение не являет собой ничего необычного — о чем известно каждому знатоку российской генеалогии (родословия). Скажем, знаменитый современник Ленина, князь Феликс Юсупов⁵⁰ (одновременно он имел и титул графа Сумарокова-Эльстон), —

* Цит. по кн.: Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989, с. 177, 180.

** Цит. по кн.: Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990, с. 234, 235.

знаменитый и тем, что он был женат на племяннице Николая II великой княгине Ирине Александровне, и тем, что он играл главную роль в убийстве Григория Распутина, — имел точно такое же этническое происхождение, как Ленин, то есть русско-монгольско-германско-еврейское: Юсупов был потомком мурзы Юсуфа, воеводы Сумарокова, выходца из Скандинавии Эльстона и видного дипломата крещеного еврея Шафировва.

Проблема *наследственности*, прямой зависимости от предков, предстает — по крайней мере пока, в настоящее время — в качестве довольно-таки туманной. По-видимому, нельзя полностью отрицать, что характеристики Ленина (чаще всего враждебные) как деспотического «Чингисхана», «рационалиста» в немецком духе или, наконец, человека, обладавшего «еврейской изворотливостью», в той или иной мере связаны с «наследием» предков; однако речь может идти только об определенных *чертах характера*, а не самом «содержании» личности, которое создается все же воспитанием (в широком смысле слова) и непосредственным окружением.

Сравнительно недавно вполне точно, по документам, установлено, что дед Ленина, Николай Васильевич Ульянов (1764–1836), был крепостным крестьянином деревни Андросово Сергачского уезда Нижегородской губернии. Отпущенный в 1791 году помещиком на оброк, этот, по-видимому, весьма вольнолюбивый человек спустился вниз по Волге до устья, уже не захотел вернуться и в конце концов стал «вольным» астраханским мещанином. Здесь, в Астрахани, он женился на молодой, восемнадцатью годами его моложе, девушке, которая — хотя точных документальных сведений об этом нет — была, по всей вероятности, крещеной калмычкой. Ее опекал «именитый астраханский иерей» О. Николай Ливанов* (вероятно, крестивший ее), и ее сын Илья Ульянов (1831–1886), в пятилетнем возрасте оставшийся без отца, смог получить гимназическое, а затем университетское образование: в результате за два поколения совершился характерный, пожалуй, только для России «скачок»: от беглого крепостного крестьянина до действительного статского советника, то есть штатского генерала! (Я, между про-

* См.: Симакова А. Родословная семьи Ульяновых: из податного сословия // О Ленине — правду. Дайджест прессы. Л., 1991, с. 8–12.; Шагинян М. Собрание сочинений в девяти томах. М., 1988, т. 5, с. 33–36.

чим, знаю это российское «чудо» по истории своего собственного рода: мой прадед был полунищим ремесленником захолустного городка Белый Смоленской губернии, а его сын, отец моей матери Василий Андреевич Пузицкий (1863–1926) сделал точно такую же «карьеру», как и отец Ленина: окончив Смоленскую гимназию и Московский университет, был инспектором одной из лучших московских классических гимназий (2-й) и также действительным статским советником.)

В последнее время, впрочем, гораздо большее внимание привлекает материнская ветвь родословной Ленина; его теперь даже подчас именуют «Бланком» — по фамилии второго его деда. Но гораздо менее широкие круги знают, что уже отец этого деда, то есть прадед Ленина, Давид Бланк, не только принял Православие, но и отправил в 1846 году послание «на высочайшее имя», призывавшее создать такое положение, при котором все российские евреи откажутся от своей национальной религии. Тогдашний министр внутренних дел Л. А. Перовский счел необходимым сообщить Николаю I о предложениях этого ленинского прадеда, который, по словам министра, «ревнуя к христианству, излагает некоторые меры, могущие, по его мнению, служить побуждением к обращению евреев» * (в Православие).

Сын Давида, Израиль Бланк (1799–1870), еще за полвека до рождения своего внука Ленина, в 1820 году, крестился с именем Александр Дмитриевич, окончил Императорскую медико-хирургическую академию, женился на дочери российского чиновника германского происхождения Ивана Федоровича Гросшопфа, служил врачом в Петербурге, а затем в Перми и Златоусте и обрел чин статского советника (равен чину полковника) и, соответственно, потомственное дворянство. В 1847 году, выйдя в отставку, он купил имение в глубине России, в приволжской деревне Кокушкино, где и жила до своего замужества (в 1863 году) его дочь Мария — мать Ленина.

В последнее время доводилось слышать разговоры о том, что она-де воспитывала сына в «иудейском» духе (хотя уже ее дед «отрекся!»). Но для такого предположения нет ровно никаких оснований. Тут уж скорее уместно говорить о «германском духе», ибо

* Вождь. Ленин, которого мы не знали / Сост. Геннадий Сидоровнин. Саратов, 1992, с. 19.

Мария Александровна была воспитанницей своей тетки (сестры ее рано умершей матери) — российской полунемки-полушведки Екатерины Ивановны Эссен и, в частности, свободно владела немецким языком. Однако из переписки Ленина известно, что только после тридцати лет, оказавшись в эмиграции, он основательно овладел немецким (с юных лет — как и все тогдашние образованные люди — он говорил по-французски); то есть и «немецкое» воздействие было не столь уж значительным.

Так или иначе, Ленин вырос и сформировался в поволжских городах и деревнях, и в самом его доме господствовала русско-православная атмосфера. Старшая его сестра Анна писала, в частности, в 1925 году (когда подобные признания были не очень-то желательны): «Отец наш был искренне и глубоко верующим человеком и воспитывал в этом духе детей»*. Сам Ленин счел нужным сообщить незадолго до своей кончины, в 1922 году, что он до 16 лет был православным верующим. До этого возраста он вместе с отцом и матерью состоял в симбирском «Обществе преподобного Сергия Радонежского»**.

Но пойдем далее. Как мы видели, Троцкий выдвигал на первый план «национальное в Ленине», в том числе русскую «мужицкую подоплеку». Сам Ленин никогда не говорил ничего подобного публично, он вроде бы был принципиальным «интернационалистом». Но вот весьма примечательные ленинские суждения, притом, что особенно существенно, из его чисто личного письма, которое было опубликовано лишь после его смерти. Незадолго до революции Ленин, находившийся в Швейцарии, беседовал с двумя людьми из России и так рассказал о них в своем письме: «...один-еврей из Бессарабии, выдавший виды, социал-демократ или почти социал-демократ, брат — бундовец и т. д. Понатерся, но лично неинтересен... Другой — воронежский крестьянин, от земли, из старообрядческой семьи. Черноземная сила. Чрезвычайно интересно было посмотреть и послушать»***.

Сразу же стоит сообщить, что Троцкий в те же дореволюционные времена писал, например, следующее: «Она, в сущности, нищенски бедна — эта старая Русь, со своим, столь обиженным

* Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. М., 1988, с. 116.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 509.

*** Там же, т. 49, с. 377.

историей, дворянством, не имевшим гордого сословного прошлого... Стадное, полуживотное существование ее крестьянства до ужаса бедно внутренней красотой, беспощадно деградировано...», жизнь его «протекала *вне* всякой истории: она повторялась без всяких изменений, подобно существованию пчелиного улья или муравьиной кучи»*. Выходит, «мужицкая подоплека» Ленина — это нечто подобное «муравьиной куче»?..

Известно относящееся к 1920 году суждение Троцкого о Ленине: «Ленин глубоко национален. Он корнями уходит в новую русскую историю... и именно таким путем достигает высших вершин». Однако позднее уже высланный из СССР Троцкий недвусмысленно объявил, что-де дореволюционная русская культура «представляла собой, в конце концов, лишь поверхностное подражание более высоким западным образцам... Она не внесла ничего существенного в сокровищницу человечества»**.

Словом, абсолютно ясно, что вещания Троцкого о «глубоко национальном» в Ленине и о «русском» характере революции были целиком продиктованы политическим расчетом. На деле Троцкий усматривал в России только лишнюю какого-либо смысла «муравьиную кучу» и — в образованном слое людей — не имеющее никакой ценности («не внесла ничего») подражательство западной культуре. Громогласно говоря о «национальном», о «русском», Троцкий попросту стремился создать себе, употребляя современное словечко, «имидж» патриота. В этом деле он, в сущности, не брезговал ничем. Так, читая изданные на Западе воспоминания одного из участников Белого движения, Троцкий наткнулся на описание курьезной сцены: некий казак, служивший в Красной армии, оказался как-то у своих избравших иную судьбу собратьев-казаков в расположении Белой армии. И Троцкий не без торжества цитировал рассказ белого мемуариста: «...казак, кем-то умышленно уязвленный тем, что ныне служит и идет на бой под командой жида Троцкого, горячо и убежденно возразил: “Ничего подобного!.. Троцкий не жид. Троцкий боевой!.. Наш... Русский... А вот Ленин — тот коммунист... жид, а Троцкий наш... боевой... Русский!”»***.

* Троцкий Л. Д. Лев Толстой // Цит. по кн.: Искусство и литература в марксистском освещении. — М., 1927, с. 480, 486.

** Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990, с. 354.

*** Троцкий Л. Моя жизнь, с. 348.

Тут же Троцкий сослался и на Бабеля, «талантливейшего, — по его определению, — из наших молодых писателей», в изобилующей гротескными деталями «Конармии» которого одна из героинь говорит «красным» казакам: «Вы за Расею не думаете, вы жидов Ленина и Троцкого спасаете». И казак отвечает: «...за Ленина не скажу, но Троцкий есть отчаянный сын Тамбовского губернатора и вступился, хотя и другого звания, за трудящийся класс».

Все подобные «расчеты» Троцкого объяснялись весьма существенным мотивом: Лев Давидович, в отличие от большинства своих находившихся у власти соплеменников, хорошо понимал, что Россию нельзя — по крайней мере, в ближайшем будущем — полностью «денационализировать». Об этом, между прочим, подробно говорится в уже упомянутом трактате видного сиониста М. С. Агурского «Идеология национал-большевизма». Здесь констатируется, что с первых же послереволюционных лет «на большевистскую партию оказывалось массивное давление господствующей (то есть — русской. — В. К.) национальной среды. Оно чувствовалось внутри партии и вне ее, внутри страны и за ее пределами... Оно ощущалось во всех областях жизни: политической, экономической, культурной... Сопротивление этому всеохватывающему давлению грозило потерей власти... нужно было в первую очередь найти компромисс с русской национальной средой... надо было, не идя на существенные уступки, создать *видимость* того, что режим удовлетворяет исконным национальным интересам русских»*.

В этом рассуждении может вызвать недоумение или даже негодование словосочетание «национальная среда», обозначающее почти стомилионный русский народ. Но М. С. Агурский в данном случае все же прав: для того же Троцкого русский народ был именно и только «средой» его деятельности; прав Агурский и утверждая, что в первые послереволюционные годы «теоретиком красного патриотизма и едва ли не его вождем оказывается Лев Троцкий» (с. 144), — что явствует уже хотя бы из его речи «Национальное в Ленине».

Правда, Агурский не говорит с должной ясностью, что Троцкий действовал в этом направлении только ради «политического рас-

* Агурский М. Идеология национал-большевизма, с. 197.

чета», но все же достаточно определенно разграничивает две принципиально различные вещи: создание «видимости» национальных устремлений власти (что и делал Троцкий) и, с другой стороны, неизбежный подспудный процесс *действительной* «национализации» власти. Он пишет, например: «Давление национальной среды, сам тот факт, что революция произошла именно в России, не мог не оказать сильнейшего влияния на большевистскую партию, как бы она ни декларировала свой интернационализм... Это было результатом *органического* процесса (с. 140).

И вот поистине замечательное «саморазоблачение» Троцкого. Если в 1922 году он провозглашал на страницах «Правды» (5 октября): «Большевизм национальнее монархической и иной эмиграции. Буденный национальнее Врангеля...»* и т. п., то в 1928 году, уже отстраненный от власти, он гневно обличает: «В целом ряде своих выступлений, сперва против “троцкизма”, затем против Зиновьева и Каменева, Сталин бил в одну точку: против старых революционных эмигрантов (разумеется, не “монархических”. — В. К.). Эмигранты — это люди беспочвенные, у которых на уме только международная революция, а теперь нужны руководители, способные осуществлять социализм в одной стране. Борьба против эмиграции... входит неразрывной частью в сталинскую идеологию *национал-социализма*... После каждой революции реакция начиналась с борьбы против эмигрантов, против чужаков и против инородцев...» и т. д.** (обратим внимание: перед нами осознание своего рода «закона»: в «каждой революции» большую роль играют «чужаки», с которыми впоследствии ведется «борьба»...).

Необходимо, правда, сказать, что Троцкий слишком забежал вперед: в 1928 году едва ли были основания усматривать в политике Сталина какие-либо собственно «национальные» устремления (они начали складываться — конечно же, под мощным воздействием идущего в стране «органического процесса» — позднее, в 1930-х годах), хотя программа «социализма в одной стране» все же была определенной подосновой перехода к национальной политике. Но если считать эту программу воплощением «национал-

* Троцкий Л. Литература и революция. М., 1991, с. 82.

** Троцкий Л. Коммунистический интернационал после Ленина. М., 1994, с. 306.

социализма», следует причислить к «национал-социалистам» и Бухарина, который ведь *первым*, ранее Сталина — о чем шла речь выше — ее разработал. Троцкий, кстати, прямо сказал здесь же об этом бухаринском «первенстве» и даже связал имя Бухарина с «национал-социализмом» (см. цит. изд., с. 66). Но, конечно, нелепо говорить о каком-либо «национальном духе» Бухарина. М. С. Агурский заявил в самом начале своей книги: «Я полностью отвергаю миф о Бухарине как об умнейшем “русском” человеке и позволю себе считать его “дураком” советской истории, притом злейшим врагом всего русского» (с. 11).

Бухарину, которому в самом деле была присуща почти патологическая ненависть ко всему русскому, явно недоставало ума, чтобы понять выдвигаемую им же самим идею «социализма в одной стране» как закономерный, естественный результат «давления национальной среды»; между тем Троцкий понимал это со всей определенностью.

Но именно тут и обнаруживается суть «позиции» Троцкого: он больше чем кто-либо из его коллег твердил о «русском национальном» характере революции, но лишь до тех пор, пока дело шло о «видимости», а не о реальной «национализации».

* * *

Впрочем, давно пора обратиться к вопросу, который, вполне вероятно, возник в уме читателей. Вот ты все говоришь нам о Троцком, а как быть с Лениным? Ведь он, проявляя «чрезвычайный интерес» к «черноземной силе» воронежского мужика, совместно с Троцким организовывал жестокое подавление соседних с воронежскими тамбовских мужиков в 1921 году и никогда не возражал — по крайней мере не возражал открыто — против того, что в возглавляемой им властной иерархии огромную роль играли евреи и другие «чужаки»?

Между прочим, мало кто знает, что *до 1917 года* евреи занимали в верхах большевистской партии сравнительно скромное место — явно менее значительное, чем в партиях меньшевиков и даже эсеров. Так, из тех четырнадцати евреев, которые входили в число членов и кандидатов в члены большевистского ЦК в 1917–1921 годах, всего лишь *двое* занимали эти партийные

посты в период с 1903 года (год создания собственно большевистской партии) по 1916 год — это Зиновьев (с 1907 года) и Свердлов (с 1912 года). И особенно примечателен тот факт, что такие «цекисты» с 1917 года, как Троцкий, Урицкий, Радек, Иоффе, только в этом самом году и вошли-то в большевистскую партию! То есть получается, что евреи особенно «понадобились» тогда, когда речь пошла уже не о революционной партии, а о *власти*...

Можно, конечно, попросту объяснить это тем, что, мол, евреи сделали ставку на большевистскую партию не тогда, когда это грозило правительственными репрессиями, а тогда, когда сама партия готова была стать правящей. Однако, во-первых, большевики — сравнительно, скажем, с террористической партией эсеров — преследовались в дореволюционное время гораздо менее жестоко. А, во-вторых, 10 из 14 евреев, которые в 1917–1921 годах были членами и кандидатами в члены ЦК, все же вступили в партию намного раньше — еще до 1907 года. Словом, в том факте, что до 1917 года большевистская «верхушка» не была очень уж «еврейской», а затем стала таковой, выразилась, надо думать, объективная «закономерность». Особенно наглядно она проявилась в своего рода послеоктябрьском «скачке»: из 29 цекистов (членов и кандидатов в члены ЦК), избранных на VI съезде, в 1917 году было 6 евреев (то есть немногим более одной пятой части) и 7 других «нерусских» (всего «нерусских» около половины), а из 23 цекистов, избранных на VII съезде, в 1918 году, — 8 евреев (уже более трети) и 5 других «нерусских» (то есть всего «нерусских» намного более половины!).

Выше уже говорилось подробно о наиболее общем «законе»: в периоды великих смут для любой страны характерен приход к власти «чужаков». Более конкретные суждения о «закономерности» прихода в революционную власть «чужаков» не раз высказывал Ленин: наиболее ясно и резко он поведал об этом в одном личном разговоре, состоявшемся в конце июля — начале августа 1918 года, когда уже во всю силу разразилась гражданская война:

«Русский человек добр, — говорил Ленин. — Русский человек рохля, тютя... У нас каша, а не диктатура... если повести дело круто (что абсолютно необходимо), собственная партия помешает: будут хныкать, звонить по всем телефонам, уцепятся за факты, помешают. Конечно, революция закаливает, но времени слишком

мало»*. Это, между прочим, совпадает с цитированными выше словами чекистки, приведенными в воспоминаниях дипломата Г. Н. Михайловского...

Предвижу негодование многих читателей по этому поводу: вот, скажут они, чудовищная постановка вопроса — вместо «добрых» русских надо поставить во главе «чужаков», которые будут расправляться без колебаний! Подобное восприятие вполне естественно, но необходимо понять, что объективная историческая задача состояла все же не в некоем самоцельном подавлении всяческого сопротивления революционной власти, а (о чем не раз шла речь в этом моем сочинении) в создании *государства*, — в частности, в преодолении начавшегося после Февраля распада страны. Выше было показано, что десятки тысяч *русских офицеров* именно поэтому стали служить большевистской власти; они убеждались на опыте, что ни белые, ни тем более «зеленые» — то есть предводители народных бунтов — фатально не могут возродить в России государство...

Известнейший лидер дореволюционной русской партии *националистов* В. В. Шульгин, ставший затем одним из видных идеологов Белого движения, постоянно и подчас крайне негодуяще писал о «еврейском засилье» в большевистской власти, о том, что евреи, как он определил, «явились спинным хребтом и костяком коммунистической партии», которую они «своей организованностью и сцепкой, своей настойчивостью и волей... консолидировали и укрепили»**. Однако еще до окончания гражданской войны, в 1921 году способный к трезвому размышлению Василий Витальевич недвусмысленно заявил, что именно большевики «восстанавливают военное могущество России... восстанавливают границы Российской державы до ее естественных пределов»***. Он уточнял: «Конечно, они думают, что они создали социалистиче-

* *Троцкий Л.* Дневники и письма. М., 1994, с. 119, 120. Не исключено возражение, что Троцкий в своих интересах «приписал» эти слова Ленину. Но, во-первых, в собственных текстах Ленина встречаются суждения именно такого рода, хотя и менее резко сформулированные, а во-вторых, я цитирую личные дневниковые записи Троцкого, не предназначенные для публикации (они впервые появились в печати лишь в 1986 году).

** *Шульгин В. В.* «Что нам в них не нравится...» Об антисемитизме в России. СПб., 1992, с. 35.

*** *Шульгин В. В.* Дни. 1920. М., 1989, с. 517.

скую армию, которая дерется “во имя Интернационала”, — но это вздор. Им только так кажется. На самом деле, они восстановили русскую армию... Как это ни дико, но это так... Знамя Единой России фактически подняли большевики... Конечно, Ленин и Троцкий продолжают трубить Интернационал... На самом деле их армия била поляков, как поляков. И именно за то, что они отхватили чисто русские области» (с. 515–516; имелась в виду война с Польшей Пилсудского в 1920 году).

И Шульгин прямо сказал о полной бесперспективности в тогдашних условиях программы Белого движения, которое стремилось вернуть к власти Учредительное собрание: «...русский парламент героических, ответственных, безумно смелых решений принимать не может... Их (большевиков. — В. К.) решимость — принимать на свою ответственность, принимать невероятные решения. Их жестокость — проведение однажды решенного. “Это нужно — значит это возможно” — девиз Троцкого» (с. 517).

К суждениям такого человека, как В. В. Шульгин (1878–1976), — человека, который, во-первых, с молодых лет активнейшим образом участвовал в российской политической жизни и знал ее досконально и, во-вторых, до самого конца своей почти столетней жизни был убежденнейшим русским патриотом, — стоит внимательно прислушаться.

Шульгин явно считает «еврейское засилье» в послереволюционной России *неизбежным* и даже имеющим определенный *позитивный* смысл явлением. Кстати сказать, Шульгин видел и более общую закономерность: выдвигание на первый план «чужаков» вообще, а не только одних евреев; он писал в 1929 году, что большую и необходимую роль играли в большевистской власти поляки, латыши, грузины и т. п.* (напомню, что Польша, Латвия и — до конца 1922 года — Грузия были самостоятельными государствами и, следовательно, речь шла об «иностранцах»).

Вместе с тем В. В. Шульгин не считал (как это характерно и ранее, и теперь для многих людей), что Российскую революцию вообще совершили-де «чужаки», и прежде всего, евреи. Вот его суждение о взбунтовавшемся русском народе: «...“жиды” виноваты только в том, что они его, народ, натравили на самого себя» (там же, с. 124), то есть на его собственную историческую власть,

* Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...», с. 33.

а в определенной мере и на русскую национальную культуру. Кто-нибудь скажет, что «натравить» — заведомо нехорошее дело. Однако в конечном счете *более* «виновен» все же тот, кто дал себя, позволил себя натравить на свою собственную власть и культуру. К тому же Шульгин в этой фразе не вполне точен: народ (или, вернее, наиболее активная и вольнолюбивая его часть) явно сам был готов к безудержному бунту, и евреи, если выразиться вполне адекватно, не «натравили» некий до того «мирный» народ, а лишь дополнительно его «*натравливали*» (эта глагольная форма имеет более «ограниченное» значение, чем «натравили»). Впрочем, и сам Шульгин со всей определенностью утверждает: «Никогда евреям не удалось бы соткать сие чудовище, которое поразило мир под именем “большевизма”, если бы их сосредоточенная ненависть не нашла сколько угодно “злоствующего материала” в окружающей среде» (там же, с. 133). Обратим внимание, что и Шульгин употребляет слово «*среда*», и это в данном случае точное слово, ибо для большевистской власти русская жизнь поначалу была именно «средой» (а не, допустим, «почвой», «основой» и т. п.)

И, наконец, еще одно суждение Шульгина о русском народе, которое, без сомнения, трудно принять, но и столь же трудно опровергнуть: «Сняв самому себе голову (то есть русскую власть и отчасти культуру. — В. К.), он теперь бесится, что сие совершил...» Но «ежели русскую голову этот народ сам себе “оттяпал”, то “жиды”, пожалуй, даже *услугу оказали*, что собственную свою еврейскую голову ему на время приставили: совсем без головы еще хуже было бы!» (там же, с. 124), — громадное безголовое тело наконец разбило бы себя в нескончаемых «пугачевщинах»...

* * *

Итак, Василий Витальевич, прошедший весь крестный путь Белой армии, признает, что большевистская — во многом «еврейская» — власть все же «лучше» безвластия, и, кроме того, вообще не видит *другой* силы, которая в тогдашних условиях могла бы восстановить государственность. В первой части этого моего сочинения приводились размышления виднейшего «черносотенца» Б. В. Никольского, расстрелянного большевиками в 1919 году,

который гораздо раньше, чем Шульгин, еще в начале 1918 года, пришел к тому же самому выводу*.

Целесообразно напомнить и цитированные ранее точные характеристики самого состояния России после Февральского переворота — характеристики, которые согласно сформулировали совершенно разные люди, — гениальный «черносотенный» мыслитель В. В. Розанов: «Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска... Что же осталось-то? Станным образом — буквально ничего», — и влиятельный сподвижник Керенского В. Б. Станкевич: «стихийное движение» русского народа, «сразу испепелившее всю старую власть без остатка: и в городах, и в провинции, и полицейскую, и военную, и власть самоуправлений».

И восстановить власть «на пустом месте» можно было только посредством самого жестокого насилия и, как оказалось, при громадной и, более того, необходимой роли «чужаков», способных «идти до конца»... Словом, есть все основания согласиться с приведенными суждениями В. В. Шульгина.

Вместе с тем нельзя, конечно, не видеть, что восстановление власти «чужаками» имело свою тяжелейшую «оборотную» сторону: они ничего не щадили в так или иначе чуждом им русском бытии, они подавляли и то, что вовсе не обязательно нужно было подавлять... И это уже в первые послереволюционные годы вызвало решительное сопротивление даже в тех кругах, которые всецело поддерживали дело Октября.

Ярчайшим примером могут служить в этом отношении судьбы трех военачальников Красной армии, притом из ряда самых выдающихся: командующего Красной армией Северного Кавказа И. Л. Сорокина, командующего Первым конным корпусом Б. М. Думенко и командующего Второй конной армией Ф. К. Миронова. После их убийства имена их были «заслонены» именами С. М. Буденного, Г. И. Котовского, А. Я. Пархоменко, С. К. Тимошенко и других, но в свое время они значили не меньше или даже больше...

Эти люди вовсе не были «контрреволюционерами», но они выступали против подавления национального бытия и сознания *русского народа*. Ф. К. Миронов писал Ленину 31 июля 1919 года про «коммунистов... большинство из которых не может отличить

* См. «Наш современник», 1994. № 11–12, с. 234–237.

пшеницу от ячменя, хотя и с большим апломбом во время митингов поучает крестьянина ведению сельского хозяйства... Я все же хочу остаться искренним работником народа, искренним защитником его чаяний... Социальная жизнь русского народа... должна быть построена в соответствии с его историческими, бытовыми и религиозными традициями и мировоззрением, а дальнейшее должно быть предоставлено времени»*.

В составленной позже декларации под названием «Да здравствует Российская пролетарская крестьянская трудовая республика» Миронов писал про «коммунистов, захвативших всю жизнь в свои руки»: «...эта дерзкая монополия кучки людей, вообразивших себя в своем фанатизме строителями социальной жизни»**. В другом обращении «ко всему русскому народу» он призывал: «Долой самодержавие комиссаров!» (там же, с. 232).

Понимая, очевидно, сколь опасно открыто ставить вопрос о «чужаках» в коммунистической власти, Миронов только *говорил* об этом, но избегал затрагивать сию тему в своих письмах и обращениях. Однако о его устных высказываниях, разумеется, стало известно на верхах. А Миронов, например, звал Троцкого «Бронштейном», утверждал, что народ гонят на «жидовско-европейский фронт» (то есть используют в «еврейско-интернациональных» целях), клеймил члена ЦК Смилгу и других чужаков «вампирами, проливающими невинную кровь» и т. п. (там же, с. 248, 249).

13 сентября 1919 года Троцкий издал приказ: «...Как изменник и предатель, Миронов объявлен вне закона. Каждый гражданин, которому Миронов попадет на пути, обязан пристрелить его как собаку. Смерть предателю!»***.

Однако в этот момент в судьбу Миронова вмешался Ленин, который, как полагают биографы Филиппа Кузьмича, именно в сентябре ознакомился с цитированным выше мироновским письмом к нему, отправленным 31 июля 1919 года****. Роль Ленина не вполне выяснена, и нет существенных оснований утверждать, что Ленин «защитил» русского военачальника от «чужаков» (к тому же через

* См.: Лосев Е. Трижды приговоренный // «Москва», 1989, № 2, с. 159, 160.

** См.: Медведев Р. А. Стариков С. П. Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. М., 1989, с. 222.

*** Лосев Е. Цит. соч., с. 163.

**** Медведев Р. А. Стариков С. П., цит. соч., с. 263.

полтора года Миронова все-таки убили). Но, во всяком случае, Миронов был тогда не только «реабилитирован», но и назначен на высокий пост, и Ленин в течение двух часов беседовал с недавно объявленным «вне закона» военачальником.

И все же поведение Миронова было слишком «непростительным», и, несмотря на его громкие победы над Врангелем в следующем, 1920 году, он оказался в Бутырской тюрьме и 2 апреля 1921 года был пристрелен там именно «как собака» — без всякого суда, неожиданным выстрелом неведомого лица. Биографы Филиппа Кузьмича убеждены, что за этим убийством стоял очень влиятельный, но «неизвестный нам пока человек или группа людей» (там же, с. 360).

Намного раньше Миронова, еще 1 ноября 1918 года, был так же убит блистательный полководец Иван Лукич Сорокин. Правда, в отличие от Миронова, он сам начал кровавую борьбу с теми, кого считал врагами русского народа. Факты таковы: «13 октября (1918 года. — *В. К.*) он (И. Л. Сорокин. — *В. К.*) арестовал председателя ЦИК Кавказской республики Рубина, товарищей (то есть заместителей. — *В. К.*) председателя Дунаевского и Крайнего, члена ЦИК Власова и начальника “чрезвычайной комиссии” Рожанского. Все эти лица — кроме Власова, евреи — были в тот же день (согласно другим сведениям — 21 октября. — *В. К.*) расстреляны. По объяснению приближенных Сорокина, пойманных и заключенных в тюрьму, Сорокин “ненавидел евреев, возглавлявших кавказскую власть”^{*}. 28 октября он был объявлен «вне закона» и вскоре же, 1 ноября, застрелен.

Наконец, Б. М. Думенко, заслуги которого позднее во многом приписали его бывшему «помощнику» С. М. Буденному, был 24 февраля 1920 года арестован вместе со своим штабом и расстрелян 11 мая. «Пункт первый» обвинения: «...проводили юдофобскую и антисоветскую политику... обзывая руководителей Красной Армии жидами». К делу подшито «донесение политработника Пескарева... в котором он сообщал, что Думенко в его присутствии сорвал со своей груди орден Красного Знамени и, забросив в угол, сказал: “Не надо мне его от жида Троцкого”... Трибунал Республики имел указание Троцкого об осуждении и расстреле Думенко, который нанес ему личное оскорбление»^{**}.

* «Вопросы истории», 1993, № 5, с. 138.

** Виктор Б. А. Без грифа «секретно». Записки военного прокурора. М., 1990, с. 79, 83.

Перед нами судьбы трех виднейших и в свое время знаменитейших военачальников Красной армии. Все они были безоговорочно против и дореволюционных порядков, и Белой армии. Но они не могли примириться с подавлением «русского народа с его, — пользуясь словами из цитированного мироновского письма Ленину, — историческими, бытовыми и религиозными традициями и мировоззрением». А находившиеся на верхах власти «чужаки» постоянно этим занимались, «углубляя», по их определению, революцию...

И дело, понятно, не сводилось к трем названным крупнейшим военачальникам. Нельзя усомниться в том, что подобная же гибель постигла тогда многих занимавших высокие посты людей. Так, согласно убедительным новейшим исследованиям, 30 августа 1919 года был во время боя убит пулей в затылок командир дивизии Николай Щорс, — убит «своими»... Позднее, уже в 1930 годах, его имя было прославлено — в особенности благодаря превосходному киноэпосу Александра Довженко «Щорс» (1939). Застрелил его, как доказывается, «политинспектор Реввоенсовета» одесский еврей П. С. Танхиль-Танхилевич; ранее член Реввоенсовета Юго-Западного фронта С. И. Аралов доложил Троцкому, что «в частях дивизии (Щорсовской. — В. К.) развит антисемитизм...»*.

Все это наверняка воспринимается сегодня многими с гневом и проклятиями по адресу властвовавших «чужаков». Но необходимо вдуматься в объективный смысл этой трагической ситуации. Во-первых, при беспристрастном размышлении становится ясно, что такие люди, как И. Л. Сорокин, Б. М. Думенко, Ф. К. Миронов, Н. А. Щорс, если бы даже они «свергли» стоявших над ними «чужаков», едва ли смогли в тогдашних условиях создать и удержать власть. А во-вторых, «на стороне Троцкого» было *преобладающее* большинство русских военачальников. Так, командующий Первой конной армией С. М. Буденный самым активным образом выступал и против Ф. К. Миронова, и против Б. М. Думенко (он даже через сорок с лишним лет, в 1962 году, протестовал против «реабилитации» последнего!)**; «разоблачал» Думенко и командир Первого конного корпуса, весьма известный герой гражданской войны Д. П. Жлоба. Большую роль в роковой судьбе Н. А. Щорса

* Зенькович Н. А. Тайны кремлевских смертей. М., 1995. с. 273–276, 281.

** Викторов Б. А. Цит. соч., с. 78.

сыграл ставший в 1918 году членом Реввоенсовета Республики сын замоскворецкого купца С. И. Аралов*. И нельзя не признать, что «вина» этих «одноплеменников» уж по крайней мере более непростительна, чем тех или иных «чужаков», с которыми застреленные военачальники к тому же вступили в противостояние сами, первыми...

Нельзя также не видеть, что власть «чужаков» являла собой тогда своего рода фатальную необходимость, которая столь резко обнаруживается в составе верховного органа — Политбюро ЦК, где к концу гражданской войны числились, помимо Ленина, три еврея и один грузин... И несколько неожиданное введение в Политбюро в апреле 1922 года, — когда война уже закончилась, — русских Рыкова и Томского опять-таки очень показательно.

А в конце 1922-го — начале 1923 года Ленин попытался совершить своего рода переворот, — о чем недвусмысленно свидетельствуют его тексты, обращенные им к XII съезду партии, который был намечен на апрель, и впоследствии названные «политическим завещанием» Ленина. Как ни странно (и прискорбно), почти все «аналитики» этого завещания, полностью замороженные «проблемой Сталина», ухитрились заметить в этих ленинских текстах, в сущности, только одну, имеющую в конечном счете частное значение деталь — предложение «переместить» одного человека с поста генсека.

Между тем Ленин начал свое «завещание» так (цитирую по 45-му тому Полного собрания сочинений, указывая в скобках страницы): «Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе» (с. 343). Да, ни много

* Семен Иванович Аралов (1880–1969) мне хорошо известен, так как он, увы, мой дальний родственник, точнее свойственник: он еще до 1917 года женился на сестре моей бабушки по материнской линии, — дочери московского священника Софье Ильиничне Флериной. На рубеже 1920–1930 годов он оказался, в сущности, не у дел и, хотя избежал репрессий, считался «обиженным». Лишь теперь, через много лет после его смерти, я узнал о его тесных связях с Троцким. В своих мемуарах, рассказывая о политическом руководстве 12-й армией на Украине, он бегло упомянул, как ему приходилось «следить за тем, чтобы националистически-буржуазный украинский шовинизм не проник в армию», а непосредственно о Н. А. Щорсе написал только, что обвинял его в «партизанщине, недисциплинированности, анархизме», с чем Щорс, мол, в конечном счете согласился... (см.: *Аралов С. И. Ленин вел нас к победе. Воспоминания. М., 1989, с. 139, 152).*

ни мало — изменение самого «политического строя» (!). И конкретизирует: «*В первую* голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни» (там же; в ЦК тогда было всего 27 человек). При этом, — как неоднократно затем подчеркнул Ленин, — в новый ЦК должны войти *рабочие и крестьяне*, «стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян...» (с. 348). «Я предлагаю съезду выбрать 75–100... рабочих и крестьян... выбранные должны будут пользоваться всеми правами членов ЦК» (с. 384).

В ЦК состояло, как говорилось, 27 человек, и присоединение к ним 75–100 рабочих и крестьян означало бы, что четыре пятых членов ЦК оказались бы людьми из народа в прямом смысле этого слова.

У нас нет никаких сведений о том, что Ленин ставил тем самым задачу изменить *национальный* состав высшей власти. Он определял цель предлагаемого политического акта как обращение «за поисками новых сил туда, где лежит наиболее *глубокий* корень нашей диктатуры» (с. 383), и установление «связи с действительно *широкими* массами» (с. 384. Выделено мною. — В. К.).

Однако вполне ясно, что при осуществлении ленинского «завещания» новый, очень значительно «расширенный» орган верховной власти состоял бы в основном из *русских*. Повторю еще раз: я вовсе не утверждаю, что Ленин сознательно преследовал именно эту цель: для такого вывода нет каких-либо доказательств. Однако *результат* предложенной Лениным «перемены» в политическом строе был бы все же именно таким, и естественно полагать, что искушенный политик это сознавал...

Партийные верхи отвергли предложение Ленина, причем особенно решительно выступил против него Троцкий, заявивший в специальном письме в ЦК от 13 февраля 1923 года, что это «расширение» состава ЦК лишит его «необходимой оформленности и устойчивости» и нанесет «чрезвычайный ущерб точности и правильности работ Цека»*. Ленин не имел возможности отстаивать свое предложение. Во-первых, — что не так давно перестало быть «секретом», — ЦК возражал против самой публикации его статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин», в которой было

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 600.

частично сформулировано это предложение. В ЦК даже возник план «напечатать эту статью в номере газеты с тиражом... в одном экземпляре — специально для Владимира Ильича». 25 января 1923 года статья все же была опубликована в «Правде»*, однако через день, 27 января, Политбюро разослало во все губкомы партии циркуляр, в котором объявлялось, что «Ленину из-за переутомления не разрешено читать газеты; что он не принимает участия в заседаниях Политбюро... что врачи сочли возможным ввиду невыносимости для него полной умственной бездеятельности вести нечто вроде дневника, куда он заносит свои мысли по разным вопросам; что отдельные части этого дневника по указанию и настоянию самого Владимира Ильича появляются на страницах печати» (там же, с. 112); предложение Ленина тем самым полностью дискредитировалось...

В работе XII съезда, к которому Ленин и обращал свое «предложение», он, в силу резкого обострения болезни, не принимал никакого участия. Но поскольку авторитет Ленина все равно был, конечно, огромен, на съезде не решились вообще игнорировать его предложение: состав ЦК был значительно расширен — в полтора раза (с 27 до 40 человек), однако среди вновь избранных *не было* ни рабочих, ни крестьян, то есть «расширение» было чисто показное...

Как уже говорилось, нельзя безоговорочно утверждать, что Ленин, предлагая ввести в ЦК множество не «профессиональных революционеров», а рабочих и крестьян, подразумевал тем самым и «национальный» сдвиг в составе высшей власти. Но именно такой сдвиг все же затем в течение всего нескольких лет совершился. Между прочим, В. В. Шульгин в 1926 году цитировал суждение одного наблюдателя (возможно, неизвестного А. А. Якушева**): «Многие... полагают, что в России царит беспросветное еврейское засилье. Я бы несколько смягчил этот диагноз, я бы сказал, что в современной русской жизни рядом

* Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1989, с. 111.

** А. А. Якушев (1876–193...?) — загадочная фигура; судьбу его подробно исследовал Д. А. Жуков в своем обширном послесловии к изданной в 1991 году книге В. В. Шульгина «Три столицы». Этот человек, «завербованный» ОГПУ, по-видимому, вел свою собственную «линию» и в результате еще в начале 1930-х годов был расстрелян...

с еврейским потоком, несомненно, пробивается и очень сильная русская струя на верхи»*.

И действительно, если к 1922 году в Политбюро русским можно было считать только одного Ленина, то к 1928 году из 9 членов тогдашнего Политбюро 7 (!) были русскими (остальные — грузин и латыш). Правда, период коллективизации явно вновь востребовал «чужаков», и к 1931 году из 10 членов Политбюро уже только половина — 5 человек — были русскими, которых «дополняли» еврей, поляк, латыш и два грузина. Такие изменения «национальных пропорций» на *наивысшем уровне* власти едва ли уместно считать «случайными», несущественными, и есть достаточные основания полагать, что именно новая «революция» в деревне продиктовала возврат к большой роли «чужаков». А к концу тридцатых годов соотношение русских и нерусских в Политбюро опять изменилось: из 9 его членов 6 были русскими, а остальные, кроме одного еврея, — грузин и армянин, то есть «представители» народов СССР, а не поляков, латышей и т. д.

В связи с тем, что в 1926 году были «освобождены от обязанностей членов Политбюро» Каменев, Зиновьев и Троцкий, возникло острое словцо, приписываемое Радеку: «Какая разница между Сталиным и Моисеем? Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин из Политбюро». Фраза эта воспринимается обычно как разоблачение «антисемитизма» Сталина, который изгнал этих людей из Политбюро именно как ненавистных ему евреев.

Правда, как раз в 1926 году кандидатом в члены Политбюро стал еврей Каганович, который с 1930 года и до кончины Сталина являлся членом Политбюро, а в 1935–1938 годах был даже «вторым» человеком после Сталина, что с очевидностью выражалось в объединении в его лице сразу трех высших функций: он, как и сам Сталин, был одновременно членом Политбюро, секретарем ЦК и членом Оргбюро ЦК (других таких лиц не имелось). Однако Кагановича все же склонны рассматривать как чисто показную фигуру, долженствующую демонстрировать отсутствие «антисемитизма».

В конце концов можно даже допустить, что в таком мнении есть своя правота. Но нельзя закрывать глаза на целый ряд других сторон проблемы. Во-первых, за удаление Троцкого, Зиновьева

* Шульгин В. В. Три столицы. М., 1991, с. 291.

и Каменева из Политбюро не менее, а подчас и более решительно выступал, наряду со Сталиным, также и Бухарин, которого трудно заподозрить в «антисемитизме». Во-вторых, выведение из Политбюро трех наиболее влиятельных евреев ни в коей мере не сопровождалось устранением евреев из «второго» эшелона высшей власти — ЦК.

Впрочем, прежде чем говорить об этом, следует опровергнуть совершенно произвольные (и тем не менее широко распространенные) «сведения» о чуть ли не абсолютном большинстве, которым будто бы обладали евреи в составе ЦК первых революционных лет. В действительности в составах ЦК, начиная с 1919 года и кончая 1939-м (следующий съезд партии был созван лишь в 1952 году) лица еврейского происхождения занимали 1/5–1/6 часть общего количества. Правда, их было больше в 1917 году (6 из 21 члена ЦК) и особенно в 1918 (5 из 15). Но в обоих случаях имели место особые обстоятельства. В принципе количество членов ЦК должно было составлять тогда 19 человек; именно таковы составы ЦК 1919 и 1920 гг. Но в 1917 году к большевикам присоединились так называемые *межрайонцы*, лидеры которых — Троцкий и Урицкий — вошли в ЦК, увеличив количество его членов до 21, а долю евреев — до более чем четверти состава. А в 1918 году не были — из-за их резкого расхождения с ленинской линией — введены в новый состав ЦК четверо ранее входивших в него русских (А. С. Бубнов, В. П. Милютин, В. П. Ногин и А. И. Рыков), в результате чего количество членов ЦК сократилось до 15, и хотя лиц еврейского происхождения в ЦК стало меньше, чем в 1917-м (5, а не 6), «доля» их выросла до одной трети* . Но в дальнейшем, до 1939 года включительно — как бы следуя негласному «правилу» — эта доля составляла 1/5–1/6. Нередко объявляют, что террор 1937–1938 годов имел-де, в частности, целью удаление из органов власти евреев. Между тем доля людей еврейского происхождения в составах ЦК 1934 и 1939 годов одинакова (12 из 71)...

* Дело в том, что несколько русских членов ЦК сразу после прихода большевиков к власти, в ноябре 1917 года, вступили в конфликт с остальными членами ЦК, настаивая на привлечении в состав представителей других партий. В. П. Милютин, В. П. Ногин и А. И. Рыков даже отказались уже 4 (17) ноября от своих постов наркомов. И их поэтому в марте 1918 года не переизбрали в члены ЦК, что привело к «сокращению» его русской части.

Тем более безосновательна версия Троцкого, который в середине 1930-х годов начал уверять, что-де его еще в 1920-х годах изгнали из власти в силу «антисемитской» политики Сталина и других. Ныне эту версию усиленно пропагандируют. Между тем сам Троцкий в ряде сочинений по сути дела опровергает эту свою позднейшую версию. Так, в изданном им в 1930 году автобиографическом сочинении «Моя жизнь» он с полной ясностью показал, что инициатива его отстранения от высшей власти исходила не от каких-либо «антисемитов», а прежде всего от Зиновьева и Каменева. Уже в начале 1923 года, когда стало очевидно, что Ленин едва ли выздоровеет и вернется к власти, «Каменев допрашивал, — сообщает Троцкий, — наиболее доверенных “старых большевиков”... “Неужели же мы допустим, чтоб Троцкий стал единоличным руководителем партии и государства?..” На первое место стали ставить Зиновьева... Еще через некоторое время стали появляться почетные президиумы без Троцкого... Потом (именно потом, несколькими годами позже! — В. К.) первое место стало отводиться Сталину...» * и т. д.

Итак, отстранение Троцкого от верховной власти начали Каменев и Зиновьев, предложивший в январе 1925 года Пленуму ЦК резолюцию, а которой взгляды Троцкого квалифицировались как «фальсификация коммунизма» **, и на этом основании тот 26 января был освобожден от обязанностей председателя Реввоенсовета. Естественно, было бы абсурдно, если бы Троцкий приписал «антисемитизм» Зиновьеву и Каменеву. Но позднее, в середине 1930-х годов, умалчивая о том, что инициаторами лишения его верховной власти были эти евреи, он обвинил в «антисемитизме» Сталина. Насколько это было натяжкой, явствует из более раннего сочинения Троцкого, написанного вскоре после его «падения», в 1927 году. Здесь он сообщал, что решающую роль в борьбе с ним сыграли «Сталин, Ярославский, Гусев и пр. агенты Сталина» ***. То есть выходит, что «антисемитскую» акцию по свержению Троцкого осуществляли вместе со Сталиным Яков Давидович Дабкин (Гусев) и Миней Израилевич Губельман (Ярославский)... Разгадка здесь в том, что Троцкий в 1930-х годах

* *Троцкий Л.* Моя жизнь, с. 465, 474.

** См.: *Васецкий Н. А.* Троцкий..., с. 216.

*** *Троцкий Л.* Сталинская школа фальсификаций. М., 1990, с. 57.

стремился дискредитировать Сталина в глазах «левых» кругов Европы и Америки, где большую роль играли евреи; отсюда и не имевшее реальных оснований обвинение в «антисемитизме» (выше уже сказано об очень значительной «доле» евреев в 1930-х годах в органах верховной власти СССР; об «антиеврейских» акциях Сталина речь может идти только по отношению к периоду конца 1940-х — начала 1950-х годов, о чем мы еще будем говорить подробно).

В принципе постепенное вытеснение евреев из высшей власти страны было, по верному определению сиониста М.С. Агурского, естественным, «органическим» процессом: «чужаки» сыграли в пору всеобщего хаоса свою закономерную роль, а в дальнейшем пребывание множества таких людей на верховных постах было уже ничем не оправданным явлением.

Те, кто объявляют подобную постановку вопроса «антисемитской» или «шовинистической», валят, как говорится, с больной головы на здоровую. Ибо обилие евреев, а также латышей, поляков и т. д., которые составляли незначительную долю населения страны, на верхних этажах власти едва ли можно считать «нормальным» явлением (другое дело — явно «ненормальная» ситуация первых послереволюционных лет).

Более того: есть серьезные основания полагать, что сосредоточение евреев на вершине власти было само по себе чревато внутренней несостоятельностью. Казалось бы, такая точка зрения противоречит несомненной еврейской сплоченности, способности к прочному единству. Но мудрейший В.В. Розанов⁵¹ прозорливо написал в 1918 году, что напрасно евреи «думают в целом руководить... Россией... когда их место — совсем на другом месте, у подножия держав (так ведь и поступают и чтут старые *настоящие* евреи, в *благородном* “Мы — рабы Твои”, у всего настояще Великого)»*. В этом, разумеется, нет ничего «антисемитского» (Розанова в конце его жизни можно, скорее, заподозрить в «филосемитизме»); он отметил здесь же, что революция евреям «не обещает ничего. Даже обещает плохо» (там же, с. 611).

Глубоко верны слова «место — у подножия держав», у подножия трона. Еврейская пропаганда с давних пор и до сего дня пытается внушить, что-де до революции евреи в России не могли занимать

* Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990, с. 613, 614.

сколько-нибудь высоких постов. Но вот хотя бы несколько внушительнейших примеров: еврей Шафиров был вице-канцлером при Петре I, еврей Нессельроде — канцлером при Николае I, еврей Перетц — статс-секретарем при Александре II, еврей Гурлянд — фактическим руководителем Министерства внутренних дел при Николае II. Разумеется, они так или иначе служили именно трону, державе (хотя Нессельроде, как можно догадываться, *тайно* служил и чему-то иному), а не осуществляли свою «программу». Но так или иначе все они благоденствовали при своих повелителях.

Между тем евреи, оказавшиеся на самом верху после 1917 года, уже в 1923 году, как мы видели, «передрались» — несмотря на свою достославную сплоченность... Тем более это относится к более позднему времени, — о чем и пойдет речь далее (в частности, о «загадке» 1937 года). Здесь же только подведу определенный итог вышесказанному.

Если уж ставить вопрос о *связи* устранения Троцкого, Зиновьева и Каменева из верховной власти с пресловутым «антисемитизмом», то только в том плане, что их присутствие в Политбюро неизбежно стимулировало антисемитские настроения в стране, — о чем не раз и не без глубокого беспокойства говорил и *сам* Троцкий. Особенно остро встала эта проблема в середине 1920-х годов, когда большинство населения осознало, что страной правит не Совнарком, а Политбюро. И не исключено, что сей факт оказал воздействие на решение в 1926 году судьбы еврейских членов Политбюро.

Характерно, что *на уровне* ЦК эта проблема не вставала столь остро (как в отношении Политбюро), и на ближайшем съезде партии, в 1927 году, в ЦК вошли трое евреев — Я. Б. Гамарник, Ф. И. Голощекин и И. А. Пятницкий (Таршис), как бы заменив удаленную из ЦК «тройку», и «доля» евреев осталась прежней.

Но в наиболее общем и глубоком смысле конец «еврейского засилья» в Политбюро означал, что их роль — притом роль, как говорилось выше, закономерная, даже необходимая — уже сыграна.

Напомню, что великий поэт сказал в 1924 году в стихотворении «Русь советская»:

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело...⁵²

В неистовом урагане первых послереволюционных лет неизбежна была отчужденная, ничего не щадящая власть, а затем

начался, по определению стремившегося к объективности сиониста М. С. Агурского, «органический процесс» восстановления национальной государственности — правда, не без замедлений и даже отступлений. Так, — о чем уже шла речь — в пору *коллективизации* половину Политбюро составили «чужаки», хотя в 1928 году их было там всего только двое (из девяти). Наконец, господство «чужаков» сохранялось и в 1930-х годах в «органах безопасности», которые были призваны беспощадно бороться со всяческими «врагами». <...>

В какой стране мы сегодня живем?

Поскольку жизнь слагается из многих различных сторон и аспектов, начало ответа на поставленный в заглавии вопрос может быть существенно разным. Вполне уместно, как представляется, начать следующим образом: мы живем в стране, где идет борьба между «патриотами» и «демократами», — ибо, характеризуя в самом широком, самом общем плане разногласия и противостояния в среде современных политических деятелей и идеологов, их обычно делят именно на «патриотов» и «демократов»; под последними имеют в виду тех, кто стремится «перестроить» Россию по образу и подобию Запада.

Между тем деление это, несмотря на всю его распространенность и как бы неоспоримую очевидность, только запутывает и затемняет общественное сознание. Притом перед нами, к прискорбию, очень давняя российская «беда», поскольку уже более чем полтора столетия назад в сознание людей было внедрено аналогичное поверхностное деление на «славянофилов» и «западников». И для понимания смысла нынешнего противопоставления «демократов» и «патриотов» уместно или даже, пожалуй, необходимо взглянуться в уже давние времена. Ровно сто двадцать лет назад, в июне 1880 года, Достоевский с полной определенностью сказал в своей «Пушкинской речи»: «О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение... Для настоящего русского, — провозгласил Федор Михайлович, — Европа